

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

*Миллион
в воздухе*

Приключения баронессы Корф

Амалия – секретный агент императора

Валерия Вербинина

Миллион в воздухе

«Автор»

2010

Вербинина В.

Миллион в воздухе / В. Вербинина — «Автор», 2010 — (Амалия – секретный агент императора)

ISBN 978-5-699-45963-6

Юная Мэй отправилась в Ниццу с тяжелым сердцем: ей предстояло наладить отношения между родителями и баснословно богатой бабушкой. Едва устроившись в доме вздорной пожилой дамы, девушка обнаружила в своем чемодане окровавленный нож... Устав ломать голову над этой пугающей находкой, Мэй обратилась за помощью к своей недавней соседке по купе, баронессе Амалии Корф. Она не знала: Амалия – бывший секретный агент российского императора. Баронесса уже покинула особую службу, но история с ножом чрезвычайно заинтересовала ее: орудие есть, а убийства нет! Амалия заподозрила, что некто хотел подбросить улику вовсе не попутчице, а ей самой, но спутал чемоданы. А значит, отходить от дел еще рано...

ISBN 978-5-699-45963-6

© Вербинина В., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валерия Вербинина

Миллион в воздухе

Глава 1

Экспресс «Золотая стрела»

По перрону Лионского вокзала бежала дама. Золотое пенсне подскакивало на носу в такт, цветы на шляпке колыхались, словно в бурю, рука в перчатке сжимала старомодную сумочку вроде тех, какие носили лет 30 назад, году этак в 1867-м.

Впереди, уверенно рассекая толпу пассажиров и встречающих, летел носильщик. Это был высоченный, ко всему привычный малый, который передвигался такими широкими шагами, что каждый из них был равен трем, а то и четырем шагам дамы в пенсне. Впрочем, вовсе не это обстоятельство достойно внимания, а то, что, имея, как и все люди, всего две руки, носильщик, тем не менее, ухитрялся тащить разом целых шесть чемоданов.

Считайте сами: один желтый, один коричневый, один с обитыми железом уголками, еще один новый, но уже с царапиной на крышке, один коричневый маленький с монограммой «М.У.» возле ручки и еще один, который, судя по его виду, успел застать еще времена Наполеона Великого и – опять-таки судя по виду – наездился в эти времена так, как не всякому чемодану удается.

Обладательница шести чемоданов, а также всего их содержимого едва поспевала за дамой в пенсне, которая, несмотря на почтенный возраст и не располагающую к стремительности одежду, почти догнала верзилу носильщика. Тот бросил взгляд через плечо и задорно прокричал:

– Поторапливайтесь, сударыни! Поезд вот-вот отойдет!

Дама в пенсне охнула и схватила за руку спутницу.

– Мэй, ты слышала? Поезд!

– Да, тетя Сюзан, – серьезно ответила Мэй.

До отхода поезда оставалось минут десять, но Сюзан Беннет, как истая англичанка, не доверяла французам вообще и французским железным дорогам в частности. По ее мнению, машинисту могло взбрести в голову что угодно, и он в состоянии отправиться раньше исключительно для того, чтобы насолить Британской империи в лице милой Мэй и провожающей ее почтенной миссис Беннет. А значит, стоило поспешить, чтобы лишить машиниста этого сомнительного удовольствия.

Миссис Беннет крепче прихватила племянницу под руку и прибавила шагу, но тут носильщик сжалился и объявил:

– Кажется, уже пришли!

Они двинулись вдоль состава. Тут были вагоны попроще, с сидячими местами и без купе, купейные вагоны, спальные, серый багажный и вагон-ресторан. Третий класс, второй, первый...

– Дамы и господа, экспресс «Золотая стрела» отходит через пять минут! Повторяем: «Золотая стрела» Париж – Вентимилья с остановками в Дижоне, Лионе, Валансе, Авиньоне, Арле, Марселе и далее в Тулоне, Ницце, Монако и Ментоне отходит через пять минут!

– Что он говорит? – нервно переспросила миссис Беннет.

– У нас есть еще пять минут, – успокоила ее Мэй.

Хотя госпожа Беннет была женой юрисконсульта английского посольства и уже около двадцати лет благополучно проживала на шоссе д'Антэн, она так и не сумела толком выучить

французский. Возможно, больше всего ей мешало то обстоятельство, что стоило ей заговорить по-французски с кем-либо из аборигенов, как в ответ неизменно следовало учтивое:

– Pardonnez-moi, madame, je ne parle pas Anglais¹.

– Но я же говорю по-французски! – возмущалась вечерами уважаемая леди в присутствии мужа, добродушного мистера Беннета. – Чего еще они от меня хотят?

Стивен Беннет вздыхал. В самом деле, как объяснить супруге, которую вы бесконечно уважаете, что французы произносят слова иначе, чем она, и интонация у них совсем другая, не говоря уже о такой мелочи, как грамматика? Поэтому миссис Беннет продолжала пребывать в пагубном заблуждении, что она говорит по-французски, только вот почему-то никто из французов упорно не желает ее понимать.

– Нет-нет, – встрепенулась Мэй, увидев, что носильщик собирается нести весь ее багаж в соответствующий вагон, – этот чемодан я беру с собой!

– Который, мадемуазель? – почтительно осведомился верзила.

Мэй наморщила лоб. В самом деле, у нее успело вылететь из головы, какой именно чемодан пригодится в пути. Кажется, она уложила одежду в поцарапанный. Или в чемоданчик с монограммой?

– Поезд отправляется через пять минут!

Красавец локомотив зашипел и выпустил пар. Он был выкрашен в светлую краску, все металлические детали покрыты медью и сияли, как солнце, а на боку красовалась золотая стрела, заключенная в круг. К Мэй и ее тетушке приблизился молодой кондуктор, на форме которого также имелась стрела, вышитая желтой нитью.

– Сударыни?.. – вопросительно протянул он.

Мэй наконец распорядилась оставить два чемодана из шести – и поцарапанный, и с монограммой, – а остальные сдать в багаж, после чего стала рыться в сумочке, ища билет. Тетя Сюзан величаво поправила пенсне.

– Дорогая, я надеюсь, ты захватила с собой все необходимое? И надела лучшее белье?

– Тетя! – возмутилась Мэй, едва не выронив сумочку от неожиданности.

– В этой жизни надо быть готовым ко всему! – наставительно объявила тетя Сюзан. – Что, если ночью поезд сойдет с рельсов и случится катастрофа? А на тебе будет старое белье, и все это увидят! Это же ужасно!

– Я не собираюсь попадать в катастрофы, – сердито сказала Мэй, доставая заветный прямоугольник с надписью «Première classe»² и инициалами PLM, которые шли через весь билет. PLM означало Paris Lyon Méditerranée, компания «Париж – Лион – Средиземноморье», которой помимо всего прочего принадлежал и экспресс «Золотая стрела».

– В конце концов, – добавила Мэй, вручая билет кондуктору, – не для этого же я сюда приехала!

– Ваше купе в середине вагона, сударыня, – сообщил кондуктор, возвращая ей простреленный компостером прямоугольник.

Миссис Беннет вздохнула. Близился миг, который она не могла позволить себе пропустить.

– Береги себя, дорогая! – патетически воскликнула она и заключила племянницу в объятия.

Собственно говоря, миссис Беннет вовсе не собиралась останавливаться на этом. Ей хотелось прочитать юной Мэй еще кое-какие наставления, в которых та, несомненно, нуждалась, но тут вернулся носильщик, отдал дамам багажную квитанцию и застыл у вагона с видом человека, жаждущего платы за свои труды, причем немедленно. Миссис Беннет неодобрительно

---

¹ Простите, сударыня, я не говорю по-английски (*франц.*).

² Первый класс (*франц.*).

покосилась на него, так как он портил всю торжественность момента. Однако все же достала из кошелька монетку и вручила носильщику. Рассмотрев полученное, тот распрямился и поглядел на старую англичанку сверху вниз.

– Шесть чемоданов, сударыня, – промолвил он сокрушенно, качая головой.

Миссис Беннет поджала губы, непреклонная, как адмирал Нельсон на палубе своего корабля. С ее точки зрения, она и так переплатила, потому что вовсе не собиралась брать носильщика, и если бы Джеймс, слуга мистера Беннета, не заболел, таковой надобности вообще не возникло бы. Верзила вздохнул, буравя ее взором, полным укоризны. Миссис Беннет ограничилась тем, что снова поправила пенсне и отвернулась. Мэй вспыхнула, вытащила первую попавшуюся монету (которая оказалась пятифранковой) и сунула ее в руку носильщику, который расцвел и даже изобразил нечто вроде поклона.

– Счастливого пути, мадемуазель!

Мэй поднялась в вагон. Носильщик подал оставшиеся два чемодана. Миссис Беннет вытащила платочек и прижала его к глазам. Цветы на шляпке затрепетали, предчувствуя новую бурю.

– Мэй! Дорогая, не забудь написать нам, когда приедешь! Иначе я буду волноваться! Я дала тебе адрес мистера Фрезера?

Мэй, которая шла по вагону мимо окон, выходящих на перрон, остановилась и кивнула прелестной кудрявой головкой.

– Это сын моей подружки Люси, ты должна его помнить! – продолжала кричать миссис Беннет на весь перрон. – Он бывал у нас в доме, когда Стивен приезжал в Лондон и мы приглашали твою семью в гости! Уверена, если понадобится, он не откажется тебе помочь! И не забудь передать бабушке Клариссе привет от нас! Конечно, она вряд ли нас вспомнит, мы видели ее последний раз лет двадцать назад, но – как знать?

– Да, да, я прекрасно помню мистера Орехра! – крикнула Мэй. – Не волнуйтесь, тетушка!

– En voiture³, дамы и господа! Поезд отправляется!

Локомотив издал хриплый свист. Провожающие прощались с пассажирами «Золотой стрелы». Миссис Беннет совсем расчувствовалась и несколько раз махнула платком. Стоя у окна, Мэй улыбнулась и помахала в ответ рукой. «Золотая стрела» набрала скорость и полетела по рельсам, направляясь из Парижа на юг.

Когда Лионский вокзал скрылся из виду, Мэй решила, что пора занять свое место в купе. Отыскав нужный ей номер – 7-й, – она решительно толкнула дверь.

---

³ По вагонам (франц.).

Глава 2

Дама в сиреновом

От природы Мэй была застенчива. Признаемся сразу же: юную англичанку вполне устроило бы, окажись она одна в купе. Мало того, что она находилась в незнакомой стране, где все казалось непривычным или, во всяком случае, не таким, как дома; что, если теперь ей еще придется находиться в замкнутом пространстве с незнакомым человеком, с которым надо как-то поддерживать беседу, чтобы не прослыть невежей, и интересоваться его делами, когда от своих собственных голова просто кругом? Да и вообще, когда едешь одна, все гораздо проще. Можно поставить чемоданы на чужое место, разложить вещи, как хочешь, и не бояться, что нескромный взгляд заметит что-нибудь – да хотя бы что у расчески треснула ручка, но это старая расческа, любимая и в некотором роде уважаемая, которую не заменят сто новых. И вообще...

Но что вообще, Мэй додумать не успела, потому что встретила ясный и открытый взгляд дамы, которая уже сидела в купе. Стало ясно, что совершить путешествие в одиночку не удастся.

– О! – пролепетала Мэй. И, как и все застенчивые люди, совершенно невпопад спросила: – Pardon, madame, est-ce que c'est un compartiment numéro sept?⁴

Вопрос был излишним, потому что семерка на двери красовалась под изображением золотой стрелы. Дама поглядела на Мэй. В глазах незнакомки мелькнули загадочные искорки.

– Вы можете говорить по-английски, – любезно сообщила она на чистом английском без малейшего акцента. – Мисс...

В тоне проскользнул намек на вопрос, и Мэй поторопилась ответить.

– Меня зовут Мэй, – сказала она. – Мэй Уинтерберри.

– Очень приятно, – отозвалась дама, не называя, однако, своего имени. – Куда вы направляетесь, мисс Мэй?

– В Ниццу, – ответила Мэй, глядя на собеседницу во все глаза.

– Поправляете здоровье?

– Не совсем, то есть... – Мэй порозовела. – Меня пригласили в гости, миледи, – наконец выдавила она из себя.

– А, – уронила дама и стала наблюдать, как Мэй возится со своими чемоданами. Те, похоже, в точности как некий французский писатель⁵, не имели ничего против путешествий, но терпеть не могли перемещаться, потому что, хотя в купе было достаточно места, Мэй никак не могла пристроить чемоданы так, чтобы они не пытались накрениться, упасть и отдавить ей ноги. Дама в сиреновом почувствовала, что пора вмешаться.

– Нет, большой чемодан поставьте рядом с моим, иначе будете все время о него спотыкаться. Да, мисс, прямо сюда.

– Спасибо, миледи, – пролепетала Мэй. – Просто я... ну... не люблю класть багаж наверх. – Тетя Сюзан тысячу раз повторила: если в пути что-нибудь произойдет, самый тяжелый чемодан непременно упадет Мэй на голову, после чего жизнь для нее станет крайне проблематичной. Поэтому наверх Мэй положила свою шляпку, села на бархатный диван и стала прилежно смотреть в окно. Воспитание учит англичан, что неприлично тарашиться на незнакомых людей, будто деревенщина какая.

---

⁴ Скажите, сударыня, это купе номер семь? (*франц.*).

⁵ Жюль Ренар.

Как и следовало ожидать, за окном не обнаружилось ничего интересного, и через некоторое время Мэй отважилась перевести взгляд на свою попутчицу. Это была дама, как решила Мэй, лет двадцати пяти или около того; и не простая, а Дама с большой буквы, настолько все в ней дышало сдержанным достоинством, утонченностью и изяществом. На незнакомке сиреневое платье и сиреневые ботинки; в углу висело сиреневое пальто, на откидном столике лежали длинные перчатки того же оттенка и шляпка с небрежно развязанными лентами, – вовсе не похожая на корзину для цветов, как у простодушной тетушки Сьюзан, а такая же изящная, как и сама хозяйка, шляпка-аристократка, настоящая *comme il faut*⁶. И Мэй, которая кое-что смыслила в моде, сразу же догадалась, чего стоило подобрать вместе платье, пальто, перчатки и шляпку такого редкого цвета, как сиреневый, и какие усилия на это потрачены. Духи у незнакомки тоже были *comme il faut*, не резкие, не тяжелые, не искусственные; они окутывали ее восхитительным облаком и придавали еще больше шарма. Нет слов, незнакомая попутчица нравилась Мэй все больше и больше, и не только потому, что одета изысканно и умеет выбирать ароматы. У дамы в сиреновом были прекрасные белокурые волосы, точь-в-точь такие, о которых с детства мечтала Мэй, которая терпеть не могла свои темно-каштановые кудри. И вообще попутчица очень хороша собой, но нет в ней того неприятного сознания собственной красоты, которое нередко бросает тень надменности на самые красивые лица и портит их. Напротив, и тон у нее дружелюбный, и улыбка, располагающая к себе. Она улыбнулась Мэй, и девушка поймала себя на том, что улыбается в ответ. Хотя английское воспитание и приучает людей к сдержанности, однако тут оно, похоже, бессильно.

– Кажется, мы с вами будем ехать до Ниццы вместе, – приветливо сказала дама. – Вы когда-нибудь бывали там раньше?

Мэй замаялась. Почему-то в это мгновение она остро ощущала свою ограниченность. Ну как, скажите на милость, признаться столь милой, любезной собеседнице, что ты почти всю свою жизнь провела в захолустном городке Литл-Хилл и даже в Лондон, до которого не так уж и далеко, навевалась только по большим праздникам? Что уж тут говорить о загранице, которая до сих пор встречалась Мэй только на страницах романов.

– Я впервые во Франции, сударыня, – наконец сказала Мэй.

– И никогда прежде не уезжали из Англии, верно? – спросила дама.

Мэй смиренно подтвердила, что так и есть. Хотя в тоне незнакомки не было и намека на снисходительность, почему-то Мэй казалось, что дама в сиреновом уж точно не сидела на месте и наверняка объездила всю Европу, а может быть, и не только ее.

– Вам нравится путешествовать? – продолжала дама.

– Еще не знаю, – честно призналась Мэй.

Дама улыбнулась.

– Это очень просто, – объяснила она. – Если вы считаете дни и не можете дождаться того момента, когда вернетесь домой, значит, путешествия не для вас.

Мэй задумалась. Конечно, дома ее ждал пони мистер Пиквик, ручной еж Джек, который бегал за ней, как собачка, любимая кукла и двое младших братьев, но, положив руку на сердце, она не могла сказать, что в это мгновение ее непреодолимо тянуло к ним. Совсем иначе было в начале путешествия, когда она уезжала из Лондона по направлению к Дувру. Тогда – о, тогда она тосковала безумно и по ночам орошала подушку горячими слезами. Но стоило Мэй переправиться через пролив, и новые впечатления захлестнули ее с головой. Так забавно было открыть, что французы и впрямь говорят по-французски, как ее гувернантка мадемуазель Клерфон. А парижские магазины! Какие там шляпки, духи, веера, прелестные мелочи, которые заставляют сердце любой женщины биться чаще!

---

⁶ Здесь: в наилучшем исполнении (*франц.*).

– Мне нравится во Франции, – сказала Мэй. Однако английское благоразумие и тут попыталось взять верх. – Но, мне кажется, – несмело продолжала она, – на свете не существует ничего лучше родины.

– На свете не может быть места лучше того, где вам хорошо, – заметила дама. – А родина это или нет, совершенно несущественно. Границы устанавливает политика, а счастье – понятие личное. Вы не согласны?

Она с любопытством ждала ответа.

Мэй смешалась. Английский дух упрямства требовал отстаивать свою точку зрения до последнего, но девушка отлично сознавала, что доводы 18-летней провинциалки из Литл-Хилл вряд ли произведут впечатление на даму, которая немного старше и производит впечатление человека, знающего жизнь куда лучше, чем Мэй.

– Но, – несмело протянула Мэй, – мне очень хорошо на родине. И если бы не... – Она осеклась.

– Не хотите снять пальто? – мягко спросила дама в сиреневом. – Здесь вовсе не холодно.

Спохватившись, Мэй стала разоблачаться. Когда она снова села на место, в глаза бросилась царапина на чемодане, купленном совсем недавно, и Мэй покраснела, словно бедная царапина могла чем-то уронить ее во мнении загадочной попутчицы.

«Но кто же она такая? – думала Мэй. – Конечно, не англичанка, у нее совсем другие манеры; может быть, она была замужем за англичанином? – Тут ей в голову пришла еще одна догадка. – Она держится так непринужденно, что я совсем не чувствую неловкости, хотя обычно в обществе незнакомых людей мне хочется только молчать; может быть, это часть ее профессии? Что, если она знаменитая актриса или певица, а я ее не узнала?»

Мэй затрепетала. Теперь ей казалось, что она определенно видела где-то портрет попутчицы, а может быть, даже встречала в журналах ее фотографию; и Мэй мучилась неловкостью оттого, что не может узнать столь, без сомнения, выдающуюся особу. «Как бы выяснить, кто она такая? – думала Мэй. – Люди обычно обижаются, если спросить напрямик!»

– Завтра утром мы будем уже в Ницце, – сказала дама своим неизменным благожелательным тоном. – Этот город очарователен в любое время года, и даже в сентябре там есть на что посмотреть. – Она ободряюще улыбнулась Мэй. – Думаю, вам не придется скучать в обществе вашего жениха.

Мэй, которая только что открыла свой чемоданчик с монограммой, застыла на месте.

– Я не помолвлена, миледи, – призналась она, порозовев от волнения. Прядь кудрявых волос выбилась из прически, и Мэй поспешно завела ее за ухо левой рукой. Правой она по-прежнему придерживала крышку чемоданчика.

– А, значит, я не так вас поняла, – улыбнулась дама. – Я подумала, что вы едете в Ниццу к нему. Но ведь у вас есть жених?

Непокорная прядь волос снова выбилась из прически и теперь норовила угодить прямо в глаз. Мэй сделала движение правой рукой, чтобы раз и навсегда указать гадкой пряди на место, но упустила из виду, что держит на коленях чемоданчик, который своим капризным характером вполне мог поспорить с каким-нибудь наследным принцем. Крышка откинулась, перевернулась и увлекла злополучный чемоданчик за собой, заставив его перекувырнуться. Содержимое беспорядочным потоком хлынуло на пол, и сквозь стук колес до Мэй донесся печальный звон стекла. Это разбился флакончик духов, которые она везла в подарок.

– О боже! – вырвалось у Мэй.

Красная как мак, она стала собирать с пола вещи. Больше всего ей хотелось провалиться под землю, но в следующее мгновение захотелось отправиться куда-нибудь еще глубже, потому что дама в сиреневом наклонилась, помогая ей собирать заколки, изрядно потрепанные книжки, небольшую тетрадь в сафьяновом переплете и даже ту самую расческу с треснутой ручкой.

– Вы слишком добры, миледи... – пролепетала Мэй. – Право же, не стоит, я сама.
– Ну что за глупости, – сказала дама. – Жаль только, что духи разбились.

Она осторожно, чтобы не порезаться, подняла с пола самый крупный осколок флакона и посмотрела на этикетку.

– «Убиган»⁷, конечно. Не переживайте, вы купите в Ницце точно такие же.

– Да, но... но... – Мэй искала слова, чтобы выразить обуревавшие ее чувства, и не находила.

– Это был подарок? – догадалась дама.

Мэй кивнула.

– Моей бабушке, – сказала она. Ей ужасно хотелось заплакать, но фамильная гордость Уинтерберри пересилила. Мэй сидела, распрямившись как струна, и только ресницы предательски дрожали.

– Ваша бабушка живет в Ницце? – рассеянно спросила дама. – Нет, я не думаю, что брать осколки голыми руками – хорошая идея. Подождите, я вызову кондуктора, пусть он тут все соберет.

Кондуктор явился, выслушал рассказ феи в сиреновом о гибели флакона – все понимающий, чудесный кондуктор, – и через какие-то несколько минут в купе было чисто. Только настойчивый запах цветов, витавший в воздухе, напоминал о недавнем крушении хрупкой склянки.

– Не хотелось бы разочаровывать вашу бабушку, – заметила дама в сиреновом, залезая в сумочку, которая лежала рядом на диване. – Возьмите, мисс Мэй.

Это были другие духи, в другой коробке, и флакон запечатан золотой нитью. Ни одна бабушка на свете не отказалась бы от такого подарка, но Мэй пребывала в смятении.

– Нет, я не могу! – воскликнула она. – Я такая неловкая, а вы...

– Почему не можете? – спросила дама.

– Я вас совсем не знаю, – теряя голову, пролепетала Мэй.

– А разве я не представилась? – вскинула тонкие брови незнакомка. – Я Амалия, баронесса Корф. Так что теперь вы меня знаете, не правда ли?

И она мягким, каким-то кошачьим движением вложила в руку Мэй коробку с духами.

Фея на глазах превращалась в ангела с крыльями. И тут Мэй поняла, где именно ей раньше встречалась эта великодушная дама. Мэй действительно не раз видела свою попутчицу на фотографиях в журналах. Кажется, та была русской, но регулярно приезжала в Англию. Мэй даже вспомнила, что баронесса Корф была благотворительницей и несколько месяцев назад открывала благотворительный базар вместе с герцогом Олдкаслом, известным английским аристократом.

– О! – пролепетала Мэй, глядя на Амалию во все глаза. – Простите, миледи, я вас не узнала! Я же читала о том вечере, где вы и герцог...

Амалия повернула голову, и в ее карих глазах мелькнули загадочные золотые искры.

– Да, мы с его светлостью давние друзья, – спокойно подтвердила она.

Тон госпожи баронессы, по правде говоря, был дьявольски двусмысленным⁸, но бесхитростная Мэй не уловила ничего такого. Напротив, она искренне порадовалась за герцога Олдкасла, что у него такие чудесные друзья.

– Но я не могу принять этот дар, госпожа баронесса! – восторженно воскликнула Мэй. – Вы очень, очень добры, но я...

---

⁷ «Houbigant» – одна из крупнейших французских парфюмерных фирм XVIII–XIX веков, официальный поставщик большинства королевских дворов того времени.

⁸ О том, что было причиной этой двусмысленности, можно подробнее прочитать в романе «На службе его величества», издательство «Эксмо».

– Вы хотите огорчить свою бабушку, приехав к ней с пустыми руками? – спокойно осведомилась Амалия.

Мэй замялась. По правде говоря, меньше всего на свете она хотела огорчить бабушку. Но щепетильность не позволяла просто взять и принять столь дорогой подарок, как духи, от столь любезной леди, как Амалия. Потому что это значило бы злоупотребить чужой добротой.

– Давайте сделаем так, – предложила Амалия, которая по лицу Мэй легко прочитала ее мысли. – Вы подарите бабушке эти духи, чтобы порадовать старую даму, а потом, если вам так не хочется оставаться в долгу, купите мне взамен другие. Договорились?

И она мягко, но решительно пресекла бессвязный поток благодарности. Если дать застенчивому человеку волю, он будет говорить до утра.

– Должна сказать, – добавила баронесса Корф, – у разлившихся духов довольно сильный запах. Если мы не проветрим купе, неизвестно, удастся ли ночью уснуть. Вы давно обедали? Если нет, можем приоткрыть окно и на некоторое время переместиться в вагон-ресторан.

Мэй находилась в таком состоянии, что готова была следовать за Амалией хоть на край света. Вскоре обе собеседницы уже сидели за столиком и изучали меню, в то время как поезд неуклонно двигался по направлению к Дижону.

– Рыба – это, конечно, замечательно, но есть ее в поезде не слишком удобно, – заметила Амалия. – Кстати, как зовут вашу бабушку? Может быть, я ее знаю?

От острого взора, казавшегося обманчиво рассеянным, не укрылось, что Мэй как-то занервничала, причем уже не в первый раз. Любопытно бы узнать, почему, мелькнуло в голове у Амалии. По природе баронесса Корф была так устроена, что не слишком жаловала секреты, какими бы ничтожными они ни казались.

А Мэй в это мгновение думала, что когда правда о ее бабушке выплывет наружу, чудесная, щедрая, добрая леди Амалия не то что не подаст своей попутчице руки, но даже и взгляда не пожелает бросить в ее сторону. Нежное сердечко Мэй трепетало. Если бы эта наивная, застенчивая девушка умела лгать, она бы, конечно, солгала; но Мэй была слишком прямодушна и, кроме того, отлично сознавала, что ложь – только временное спасение, которое неизменно влечет за собой крах.

– Вряд ли вы ее знаете, – проговорила наконец Мэй, волнуясь. – Я хочу сказать... то есть я думаю, она совсем не вашего круга. – Ее нижняя губа обиженно дрогнула. – Дело в том, что моя бабушка – Кларисса Фортеस्कю.

Глава 3

Бабушка, маршал и двадцать наследников

Чтобы объяснить причины, по которым Мэй не жаждала распространяться о своей бабушке, нам придется прерваться и подробнее рассказать историю мисс Фортескью, долгое время бывшей притчей во языцех в Лондоне, Суррее и Девоншире, а кроме того, в некоторых отдаленных колониях Британской империи. В общем и целом можно сказать, что имя этой поразительной особы было известно всему белому свету.

Кларисса Фортескью происходила из уважаемой семьи. Ее родители были безупречны, как и родители родителей. Правда, один из ее дедушек злоупотреблял бренди, а другой имел привычку время от времени швыряться в жену всем, что попадалось под руку, но в семье Фортескью эти мелочи сходили за невинные чудачества, тем более что домашние никогда не жаловались, а стало быть, никто из посторонних ни о чем не знал.

Мисс Кларисса была идеальной юной леди, столь же благовоспитанной, сколь очаровательной. При наличии приличного приданого такие качества не пропадают втуне, и вскоре Клариссе сделал предложение мистер Джозеф Уинтерберри. Он жил по соседству с семьей Фортескью. Сам он также происходил из хорошей семьи, известной в этих краях уже несколько веков. У Джозефа было десять братьев и сестер, восемь дядюшек, двенадцать теток и примерно человек семьдесят кузенов и кузин, которые попеременно гостили в доме его хлебосольных родителей. Помимо столь внушительной родни, Джозеф обладал приятной внешностью и покладистым характером, а кроме того, со временем должен был унаследовать кое-какую земельную собственность. Все в округе решили, что он и мисс Кларисса станут на редкость удачной парой. Уже потом, когда выяснилось, насколько они ошиблись в своих ожиданиях, жена викария заявила, что она предчувствовала подобное развитие событий, но ей никто не поверил.

Итак, Кларисса Фортескью вышла замуж за мистера Уинтерберри и превратилась в образцовую жену. Она вела хозяйство, следила за счетами и за шесть лет брака родила четверых сыновей. Мистер Уинтерберри не мог нарадоваться на свою супругу и полагал, что их счастье продлится до конца дней.

Очевидно, у Клариссы были другие соображения на этот счет, потому что однажды, вернувшись с охоты, Джозеф обнаружил на подушечке для булавок следующее послание:

«Дорогой сэръ,

Не могу сказать, кто надоед мне больше – вы, ваши родственники или ваши дети. От души надеюсь, что никогда больше не увижу ни вас, ни их.

Кларисса Фортескью».

Прочитав письмо, мистер Уинтерберри на всякий случай повторил чтение еще три раза, но текст ничуть от этого не изменился. Напротив, содержание предстало перед ним во всей своей возмутительности.

Первые слова мистера Джозефа были:

– Я надеюсь, это шутка? Хотя и крайне дурного тона!

Затем:

– Не знал, что моя Клари пьет так же, как ее дедушка!

Затем:

– Я подстрелил лису, а Клари занимается какими-то глупостями? На что это похоже, я вас спрашиваю?

После чего он наконец догадался призвать дворецкого и спросить у него объяснений. Дворецкий всплеснул руками, на всякий случай ужаснулся и вызвал горничную миссис Уинтерберри, которой по должности полагалось знать о своей хозяйке все.

Горничная напомнила хозяину о разных событиях, от которых тот прежде досадливо отмахивался, – о том, как во время третьих родов надо было послать экипаж за доктором, а экипаж забрал один из дядюшек, гостивших в доме, и Кларисса в результате чуть не умерла, о том, как племянница Джозефа однажды опрокинула краски на новое платье хозяйки, которым та очень дорожила, о том, как Кларисса просила нанять еще одну няньку, но мистер Уинтерберри предпочел купить новую гончую. Джозеф негодовал.

– Вы хотите сказать, милочка, что жена бросила меня из-за собаки? – патетически восклицал он. – Так, что ли?

– Ну, если она сбежала с мистером Эндрю, то ей лучше знать, из-за чего, – парировала горничная и прикусила язык.

Джозеф медленно выпрямился.

– Вот он что! Стало быть, это все из-за Эндрю!

Голубоглазый обаятельный Эндрю был приятелем одного из его кузенов, который и ввел его в дом. Мистер Уинтерберри, сам того не подозревая, пригрел на груди змею.

– Это ему даром не пройдет! – вскричал Джозеф и послал дворецкого проверить, много ли денег захватила с собой беглянка.

Выяснив, что она взяла с собой все до последнего пенни, а также платья, украшения и прочие мелочи, Джозеф преисполнился еще большего негодования и запретил упоминать при себе имя «этой женщины».

– Пусть, умирая, она приползет к моему порогу – я все равно ее не прощу!

Затем он выпил большой стакан кларета, велел заложить экипаж и отправился к родителям – советоваться, что предпринять в этом экстраординарном случае.

Узнав о происшедшем, мать заплакала и призналась ему, что Кларисса ей никогда не нравилась. У нее было предчувствие, что эта особа разобьет жизнь ее сына. Впрочем, оставался открытым вопрос, почему она никому не говорила о своем предчувствии вплоть до того момента, когда было уже слишком поздно.

Отец, впрочем, оказался куда реалистичнее и о предчувствиях не толковал.

– Надо вернуть ее домой, – сказал он.

– Что? – ужаснулся Джозеф. – После того, как она осквернила семейный очаг? Никогда!

– Не будь ослом, – отрезал отец. – Если муж бросает жену, он молодец, хоть и негодяй, но если жена бросает мужа, все сочтут последним олухом его. Я уж молчу о том, что начнут говорить о ваших детях. Нет! Надо во что бы то ни стало вернуть эту чертовку обратно, если понадобится, то силой. Куда она делась?

Но Джозеф заартачился и повторил, что если даже Кларисса и приползет к его порогу, то он... и т. д. Он сотрясал воздух, расхаживал по комнате и сверкал глазами. Подвески на хрустальной люстре ходили ходуном, и с них хлопьями осыпалась пыль.

Пока Джозеф бесцельно растрчивал таким образом драгоценное время, преступная парочка не тратила его даром. Так как Эндрю служил во Франции в представительстве крупной английской фирмы, он сразу же предложил Клариссе перебраться на континент, и молодая женщина, поколебавшись, согласилась. Впрочем, она была готова следовать за Эндрю куда угодно, лишь бы оказаться подальше от опостылевшего мужа.

Пока беглецов искали в Дувре, они уже благополучно прибыли в Кале и таким образом оказались вне зоны досягаемости британской юстиции. Однако тесть Уинтерберри оказался не лыком шит и сразу же довел до руководства фирмы, в которой служил Эндрю, в какой чудовищный скандал оказался втянут их работник.

Руководство вздохнуло, пожало плечами, вызвало к себе ловеласа и довело до его сведения, что карьера и интрижки порой вещи несовместимые, особенно если речь идет о такой почтенной фирме, как та, в которой он работает. Эндрю поставили ультиматум: либо он расстается с Клариссой, либо со службой.

О Эндрю, Эндрю! Каков был его выбор? Как мог он поступить, когда речь шла о женщине, которая ради него пожертвовала своим добрым именем, своей честью, своим будущим, наконец? Она оставила свой дом, своих родных, своих детей! Неужели это ничего не значило?

Очевидно, ничего. Потому что бессердечный Эндрю выбрал службу. А Кларисса осталась совершенно одна в незнакомом городе, в чужой стране, без гроша за душой, потому что все ее сбережения они с любовником уже спустили. Да и, в конце концов, где тратить деньги с размахом, как не в Париже?

Итак, Эндрю бесследно растворился в дымке парижских улиц. Клариссе было больше не на кого рассчитывать. В далеком Девоншире мистер Уинтерберри-старший, узнав о развитии событий, удовлетворенно потер руки.

– А теперь, – сказал он сыну, – самое время поехать за твоей супругой и привезти ее обратно.

Однако строптивый Джозеф крепко держался шаблона о блудной жене, которая должна сама явиться и униженно просить прощения, после чего он, может быть, и соизволит принять ее обратно. Мать и все родственницы женского пола тотчас встали на его сторону и заявили, что не к лицу Джозефу самому просить жену вернуться.

– Главное, не будь с ней слишком мягок, когда она вернется, – наставляла Джозефа мать. – А ведь вернется, куда ей деваться?

При мысли, что вскоре он окажется полным хозяином положения, Джозеф приходил в возбуждение, грозил окну кулаком и кричал:

– Наконец-то я увижу, как она приползет обратно! Дрянь, дрянь!

Но он ее не увидел, потому что Кларисса сделала то, чего от нее мало кто ждал. Она осталась в Париже.

Она не пыталась вернуться в Англию, не докучала мужу слезливыми письмами с мольбами о прощении, не требовала от него денег – она вообще предпочла забыть о нем, словно его никогда в ее жизни и не было. Взамен она выбрала нелегкое существование женщины, которая зависит только от милостей мужчин. Выше уже говорилось, что миссис Уинтерберри (в девичестве Фортескью) была очаровательна. Париж превратил это очарование в опасное оружие, которым Кларисса без промедления воспользовалась. Выражаясь простым языком, она пошла по рукам.

Когда Джозеф узнал, что его жена в Париже прекрасно проводит время сначала в обществе бедного писателя, затем в обществе богатого старого художника-академика, а затем в обществе сына банкира, он побагровел и заявил:

– Так! Теперь ноги ее в моем доме не будет! Кончено! Больше она для меня не существует!

И отправил жене во Францию злобное письмо, в котором уведомлял ее, что она для него умерла.

Не ограничиваясь одним письмом, он довел до всеобщего сведения, что его жена скончалась. Детям тоже было сказано, что их мамы больше нет. При этом слуги и, конечно, родственники прекрасно знали правду, но все предпочитали подыгрывать Джозефу в его упорном стремлении объявить свою жену умершей. Если паче чаяния кто-то из многочисленного семейства Уинтерберри вдруг оказывался в Париже и сталкивался там с Клариссой, то благо-разумно не видел ее, как не замечают бесплотный дух.

Тем не менее из Парижа до семейства Уинтерберри время от времени доходили слухи о том, как недостойная жена достойного человека проводит свое время. Поначалу Кларисса

предпочитала общество богемы, но быстро поняла, что бедные писатели и художники без заказов кормятся только мечтами о бессмертии. Они забавляли Клариссу, но ее мечты были куда более материальны. Кроме того, однажды она простудилась так, что чуть не умерла от воспаления легких, а когда выздоровела, то решила, что жизнь и все, что та может дать, гораздо лучше любого бессмертия, которое вообще может никогда не наступить.

Поэтому она переключилась на художественные верхи – преуспевающих живописцев, которые выставлялись в Салоне, имели орден Почетного легиона и не знали отбоя от заказчиков, а также беллетристов с именем и почтенных академиков, которые были без ума от пикантной язвительной англичанки.

Однако через несколько лет Кларисса пресытилась разговорами о литературе и искусстве, которые неизменно сводились к тому, кто получает больший гонорар. Так или иначе, с этого времени ее видели исключительно в обществе предпринимателей, банкиров и офицеров. В эпоху Второй империи⁹ состояния сколачивались быстро, страна развивалась фантастическими темпами, и у Клариссы никогда не было недостатка в покровителях. Что касается военных, то они хоть и не могли похвастаться внушающими трепет богатствами, но, в конце концов, были молоды и обладали отличными фигурами.

А время меж тем шло, и, как всегда, незаметно подкралась смена эпох, когда то, что казалось незыблемым, рухнуло в один миг. Что-то не заладилось, глава режима утратил прежнюю хватку, грянула война, затем Коммуна, и империи пришел конец. Новые власти разделились с коммунарами, которые успели всем надоесть (уничтожая дворцы и памятники, господа бунтовщики нанесли Парижу больший урон, чем впоследствии обе мировые войны, вместе взятые). Затем власти посовещались и большинством в один голос пришли к мысли о том, что Франции нужна республика. На этом и решено было временно остановиться.

А Кларисса...

Клариссе, казалось, уготовано личное крушение – обыкновенное для женщин, которые когда-то были молоды и красивы, но теперь уже не так молоды и, увы, далеко не так красивы. Ей было уже под сорок – возраст, когда мужчина еще может считать себя молодцом, но женщина (по мнению большинства) может считать лишь морщины. Впрочем, у Клариссы оставались кое-какие деньги – не так много, как она рассчитывала, потому что ее образ жизни требовал определенных расходов, а они не всегда подчинялись контролю. Так или иначе, она подвела итоги, пришла к выводу, что при некоторой экономии сможет прожить безбедно столько же, сколько прожила, и решила остепениться. Не впадая в ханжество, но и не щеголяя былыми подвигами, она поселилась в скромной квартирке с видом на Лувр и Сену и покорилась течению времени. Порой ее навещали старые друзья, что в данном случае равнозначно выражению «старые любовники». Они давали ей советы, как выгоднее вложить оставшиеся деньги, вспоминали легкомысленные времена империи, вздыхали и порой задерживались дольше, чем требовали приличия. Так прошло несколько лет, и наступил 1895 год.

В далеком Девоншире Джозеф Уинтерберри, располневший и обрюзгший, с красным лицом, все еще тешил себя надеждой, что когда-нибудь опозорившая его жена вынуждена будет вернуться, дабы не умереть в нищете. На этот случай у него было заготовлено несколько речей, одна выразительнее другой. Но ни одна ему не понадобилась. Однажды утром он раскрыл газету и прочитал, что во Франции скончался маршал Поммерен, принадлежавший к довольно знатной семье и оставивший недурное состояние. Половину маршал завещал Франции на создание морского музея имени Поммерена, так как всю жизнь мечтал о море, хоть и сражался исключительно в сухопутных войсках. Вторую половину покойник в память о добрых старых временах оставил своей хорошей знакомой, англичанке мадемуазель Клариссе Форте-

---

⁹ Время Наполеона III.

кью. В газете сообщалось, что, получив наследство, мисс Фортеस्कью делается богаче на миллион полновесных, восхитительных золотых франков разом.

Узнав, что негодяйка-жена, осрамившая его имя, на старости лет заделалась миллионершей вместо того, чтобы приползти к его порогу и далее по программе, мистер Уинтерберри вытаращил глаза, несколько минут пытался выговорить хоть что-то, но побагровел еще больше, а затем упал лицом в тарелку. С ним приключился удар, и через несколько часов он умер.

Сыновья Клариссы и мистера Уинтерберри – Джозеф-младший, Генри, Уильям и Роберт – были к тому времени раскиданы судьбой по всей Англии и ее заморским территориям. Джозеф пытался с переменным успехом торговать на Барбадосе, Генри с женой и детьми занимался земледелием в Суррее, Уильям занимал небольшой пост в Индии, а Роберт с семьей мирно жил в Литл-Хилле. Тем не менее удаленность не помешала братьям собраться и обсудить создавшуюся ситуацию.

Конечно, они прекрасно знали, что, вопреки тому, что им твердил отец, их мать живехонька и вполне сносно существовала в Париже. За истекшие годы ни Кларисса, ни сыновья не предпринимали попыток повидаться. Они не обменивались письмами, мать не знала о рождении детей, которых к нынешнему времени насчитывалось: пятеро – у Джозефа-младшего, двое – у Генри, шестеро – у Уильяма и еще трое – у младшего Роберта. Даже в разговорах между собой братья избегали упоминать имя Клариссы, само существование которой было укором их честной фамилии. В глубине души, вероятно, они бы и в самом деле предпочли, чтобы она умерла, но судьба распорядилась совершенно иначе, и к такому повороту событий они оказались не готовы.

– Да, маршал... – вздохнул Генри, барабанив пальцами по столу.

– Миллион! – со значением вставил Джозеф-младший.

– Интересно, сколько это будет в фунтах? – робко спросил Роберт.

– Какая разница, – отмахнулся практичный Уильям, – уж, во всяком случае, не твои десять фунтов годового дохода!

Хотя годовой доход Роберта был больше, но тот ничего не ответил. Семья и в самом деле не могла похвастаться достатком.

– Главное, чтобы родственники не вмешались, – напирал Генри.

– Что за родственники? – прищурился Джозеф.

– Родственники маршала, – мрачно ответил за брата Уильям. – Думаешь, они захотят уступать такие деньжищи?

Впрочем, главную мысль, которая одновременно сверлила все четыре головы, никто так и не высказал вслух. Мысль эта была: «Мать уже не молода, если ей суждено умереть, кому достанется маршальский миллион?»

– Я думаю, надо ей написать, – сказал наконец Уильям. – Выразить соболезнования, этот Поммерен все-таки был ее другом. Ну и... вообще.

Братья переглянулись. Из развратной вавилонско–парижской блудницы, которую следовало избегать, аки чумы, Кларисса как-то незаметно превратилась в обладательницу пещеры Али-Бабы, которую следовало всячески холить и лелеять.

В самом деле, мало ли кому взбалмошная старушка завещает свой миллион! Такие деньги в хозяйстве далеко не лишние, одинаково пригодятся как на Барбадосе, так и в Индии, и в Суррее, и даже в забытом Богом и картографами крошечном городишке Литл-Хилл.

– Я, право, не знаю, удобно ли... – пробормотал Роберт. – Я хочу сказать, мы столько лет не желали ее знать... и даже когда ты, Уильям, оказался во Франции...

– У меня не было времени, – тотчас отреагировал Уильям. – Я был очень занят, иначе я бы, конечно, ее навестил!

– Лично я, – добавил Джозеф, – всегда думал, что у матери были причины, чтобы оставить нашего отца. И в глубине души всегда – на ее стороне!

Братья, отлично помнившие, какой чопорный ханжа был их старший брат и как он выражался о матери раньше, предпочли не развивать эту тему.

– Мы должны восстановить отношения, – объявил Генри. – В конце концов, всегда можно объяснить, что при жизни отца для нас было невозможно... гм... поддерживать общение. Она должна войти в наше положение.

И тут скромный, застенчивый Роберт удивил всех.

– Я не думаю, что мы ее обманем, – сказал он.

– О чем это ты? – удивился Джозеф.

– Я думаю, она не так глупа, – твердо ответил Роберт. – Она сразу поймет, что мы беспокоимся вовсе не о ней, а о деньгах.

– С чего ты взял, что она не глупа? – холодно спросил Генри. – Насколько я помню, когда она сбежала с этим... как его... забыл имя, но когда она сбежала, ты еще в колыбели лежал.

Мистер Роберт Уинтерберри смешался, но тотчас же нашелся.

– Будь она глупа, ей не оставили бы миллион, – сказал он.

Братья переглянулись. Нет слов, младший брат сумел отыскать самый лучший довод.

– И тем не менее она наша мать, – напомнил практичный Уильям. – Родная кровь и всякое такое. Тем более мы так долго не переписывались, она ничего о нас не знала. Да еще примите во внимание ее годы – я уверен, она будет тронута, если мы напомним о себе. Напишем ей о смерти отца, посочувствуем по поводу кончины маршала, расскажем о своих детях...

– Разумно, – одобрил Генри. – Очень разумно. Думаю, дети тронут ее больше всего.

– Может быть, но главное, – мягко сказал Джозеф, – чтобы она не успела потратить весь миллион на себя.

Он мило улыбнулся присутствующим и налил себе стакан воды.

Глава 4

Любящие родственники

Деньги обладают властью. Как сказал один умный человек, деньги – это мера всех вещей, а наше существование – хочешь или не хочешь – зависит от тех же вещей. Можно, конечно, воспитывать в себе величие духа, живя в грязной бочке, но куда комфортнее заниматься тем же самым в уютном домике с видом на море и азалиями в саду.

В 1895 году Клариссе исполнилось 63 года. Нынешнее состояние вполне ее устраивало, и от жизни она по большому счету ничего уже не ждала. Из постоянных друзей к тому моменту оставались старый адвокат Бланшар, замешанный во всех скандалах Второй империи, и старый маршал Поммерен, замешанный во всех ее войнах. Адвокат, которого не так давно засудили собственные дети и едва не довели до разорения, приходил к Клариссе вспоминать императора Наполеона III и звезд его эпохи. Какие тогда были финансисты, женщины, лошади, моды! На глаза старого Бланшара набегали непритворные слезы умиления. Раньше все было гораздо лучше, не говоря уже о том, что император никогда не позволил бы изуродовать милую его сердцу столицу этой железной дылдой, отвратительной башней инженера Эйфеля. Кларисса вторила ему, и вместе они оплакивали молодость.

С маршалом, которого она помнила еще лейтенантом, все было гораздо проще: несмотря на эполеты и славное боевое прошлое, Поммерен был скромен и немногословен. Он не жаловался ни на болезнь почек, от которой страдал, ни на жену, от которой страдал еще больше. В гостях у Клариссы он ограничивался тем, что читал газеты или играл в карты по маленькой. Вечером, поцеловав хозяйке руку, уходил, чтобы так же скромно и ненавязчиво возникнуть в дверях на следующий день.

Кларисса привыкла к его визитам и, когда однажды маршал не пришел, не на шутку забеспокоилась. Бланшар, которого она послала узнать, в чем дело, вернулся с мрачным видом.

– Доктора говорят, дело плохо, – сказал он, и Кларисса заплакала.

Вскоре маршал Поммерен отправился туда же, где пребывают оба французских императора, а еще через некоторое время Бланшар с выпученными глазами, задыхаясь, взлетел по лестнице на четвертый этаж и едва не оборвал звонок.

– Завещание! Миллион! – простонал бедный адвокат и рухнул в обморок.

Так Кларисса узнала, что старый любовник, который всегда больше делал, чем говорил, не забыл позаботиться о ней перед встречей с двумя императорами.

Она долго сидела перед трельяжем, машинально растирая виски. Будущее, от которого, напомним, она ничего не ждала, вдруг окрасилось в радужные тона. Перед мысленным взором всплывали то аквамариновая синева Средиземного моря, то лавандовые поля на юге Франции, близ Ниццы, то алое кружево, которым отделано платье от знаменитейшего модельера Жака Дусе, – восхитительное, навевающее грезы платье, которое она не могла позволить себе еще вчера.

Бланшар пришел в себя. Он тихо стонал и растирал грудь рукой, лежа на софе. Кларисса под села к нему и без околичностей объявила:

– Мне нужно, чтобы кто-нибудь защищал мои интересы.

У маршала была жена и еще дети, а стало быть, имелись веские основания, чтобы заставить суд признать завещание недействительным.

– Ради вас я готов на все! – пылко объявил Бланшар и поцеловал Клариссе руку.

Таким образом англичанка, которая давно думала по-французски и даже сны видела только на этом языке, назначила Бланшара главнокомандующим армии, состоявшей из них двоих. И адвокат взялся за дело.

Он стряхнул пыль с кое-каких старых связей, завел новые, не моргнув глазом выслушал несколько сомнительных комплиментов по поводу того, что все его дела остались в прошлом, до 1870 года. Также выслушал множество советов, преподнес кучу мелких подарков горничным и лакеям заинтересованных лиц, освежил в памяти некоторые законы и даже добился приема к одному министру, который мог помочь.

Потом Бланшар честно признавал, что все его труды могли бы пойти прахом, если бы Поммерен не оказался столь же предусмотрительным, сколь и немногословным. Дело в том, что французское правительство, которое получало миллион при условии учреждения морского музея имени маршала, вовсе не было заинтересовано в пересмотре завещания, и благодаря этому Бланшар сумел выиграть дело.

Примерно в то же время Кларисса внезапно обнаружила, что сыновья, которые раньше не удосуживались даже послать ей открытку к Рождеству, вдруг вспомнили о ее существовании и наперебой стали заваливать ее многостраничными письмами с заверениями в любви и уважении. Стоило ей выиграть дело, как писем стало еще больше. Теперь ей писали не только сыновья, но и их жены, которых Кларисса в глаза не видела, а также дети, о существовании которых не подозревала.

Больше всего посланий было от старшего Джозефа, которого Кларисса запомнила вечно хнычущим, ябедничающим мальчиком. В посланиях он рассыпался мелким бесом, перечислял достоинства своих детей, общим числом пять штук, и ненавязчиво предостерегал мать против братьев. По его словам, Генри пил, как рыба, Уильям вел непозволительный образ жизни и держал по любовнице в каждой индийской деревне, а тихий Роберт колотил жену и детей. Впрочем, если судить по письмам Генри, пил не он, а все тот же Роберт, Уильям будто бы присвоил казенные деньги, а Джозеф ночи напролет веселился на Барбадосе так, что местные жители вызывали полицию. В письмах Уильяма, само собой, имела место совершенно иная версия. Что же до Роберта, то его послания были самыми краткими, и о братьях он почти ничего не сообщал.

Долгое время ни братья, ни их домочадцы не получали никакого ответа. Наконец от имени секретаря Клариссы (в роли которого выступил все тот же незаменимый Бланшар) пришло короткое письмо, уведомляющее братьев Уинтерберри, что их мать за почти 40 лет жизни в Париже разучилась говорить по-английски и покорнейше просит, если что, писать ей по-французски, а так остается совершенно к их услугам и с почтением заверяет их в своем уважении.

Братья Уинтерберри не были сильны во французском. Еще каких-то несколько месяцев назад они вообще полагали, что на свете есть только одна достойная нация – британская, и к соседям, живущим по ту сторону Ла-Манша, испытывали нечто вроде снисходительного презрения. Еще бы, французы такие легкомысленные, а их дамы такие ветреные. Но теперь золотой миллион маршала Поммерена стучал в сердца братьев почище пепла Клааса и побуждал к действию. Золото не имеет национальности – только владельца. Джозеф стал изучать французский. Генри стал изучать французский. Уильям стал вспоминать французский, который он когда-то вроде бы знал, но в Индии успел основательно забыть. Что же до Роберта, то кроткий Роберт сдался.

– Старую собаку не научить новым трюкам, – сказал он, но на всякий случай послал матери фотографию, где были сняты он с женой и их дети: Мэй и двое младших. Мэй была славненькая и даже на фотографической карточке могла растопить любое сердце.

Итак, тремя братьями были сочинены новые письма по-французски, которые отправились во Францию, но вскоре вернулись с пометкой, что адресат выбыл в неизвестном направлении. Произведя кое-какие разыскания через друзей в посольстве, Уильям обнаружил, что мать продала квартиру в Париже и переехала в Ниццу, приказав отправлять всю почту из Англии

по обратному адресу. Тут даже самые оптимистичные члены семьи Уинтерберри поняли, что Кларисса не желает их знать – точно так же, как прежде сами они не желали знать ее.

Мистер Джозеф-младший рвал и метал. Мистер Генри высказал несколько необдуманных слов по поводу отца, который так восстановил против них мать. Практичный мистер Уильям сказал:

– Но ведь миллион она не потратила! Значит, надежда еще есть.

О том, что сказал мистер Роберт, история умалчивает, зато прекрасно известно, о чем он несколько позже говорил со своей женой Мэри.

– Жили мы небогато, но разве нам было плохо? И тут этот миллион... И мать! Я ее даже не помню! Почему я должен изображать, что она мне небезразлична? Ведь она бросила меня, как... как какого-нибудь котенка! Да о чем я говорю – даже кошка так не бросает котят!

– Дорогой, – примирительно сказала Мэри, – ты прав, но мы должны думать о Мэй. Ей уже не десять лет, и ей совсем не помешает хорошее приданое.

– Когда я женился на тебе, то не смотрел на приданое, – возразил Роберт. – Только на тебя.

Мэри улыбнулась и погладила его по рукаву.

– Не все мужчины такие, как ты, дорогой, – сказала она.

Братья ломали голову, как уломать капризную старуху, забывшую и честь, и родной язык, но приобретшую миллион. Джозеф нашел, как ему казалось, верное средство. Дела не позволяли ему надолго отлучаться с Барбадоса, и поэтому он снабдил деньгами старшего сына Джорджа, дабы тот явился под светлые очи бабки и попытался растопить ее сердце.

– Я думаю, – говорил Джозеф сыну, – кто-то настраивает ее против нас. Сам понимаешь, сколько вокруг нее должно отираться прихвостней! Большие деньги, Джордж, большие деньги! Но если ты ей понравишься, как знать? Может быть, она в завещании опишет все нам, а мои братцы останутся с носом!

Сын отбыл в Ниццу – выполнять родительский наказ по привлечению симпатий бабки на свою сторону.

– Этот всегда был пронырой! – мрачно сказал Уильям, узнав окольными путями о действиях старшего.

По правде говоря, сам он пытался получить доступ к матери уже давно, еще когда оказался в Париже. Это произошло сразу после того, как Кларисса выиграла процесс. Уильям полагал, что подоспел как раз вовремя, чтобы раньше всех поздравить ее, но старая горничная, отворившая дверь, на ломаном английском сообщила, что мадам уехала, и когда вернется – неизвестно.

– Скажите ей, что Уильям, ее сын, заходил справляться о ее здоровье, – сказал Уильям. Горничная кивнула и затворила дверь.

– Кто это был? – крикнул Бланшар из гостиной.

– Мои сыновья всерьез решили меня осадить, – ответила «горничная», входя в комнату. – Пора уезжать из Парижа. Я вовсе не намерена каждый день принимать визиты родственников, которые только и мечтают о моей смерти, чтобы получить наследство!

Адвокат расхохотался.

– Видела бы ты моих детей! – объявил он. – Как они сразу же сделались почтительны, едва мы выиграли процесс! Прежде они в грош меня не ставили, а теперь боятся даже слово молвить: вдруг мне тоже перепадет что-нибудь от твоих денег!

– Мои сыновья ничего от меня не получают, – отрезала Кларисса. – Слишком поздно начали юлить и подлизываться. – Судя по всему, общение с военными, известными своим энергичным языком, не прошло для старой дамы зря. – А если они будут мне докучать, я найду способ от них избавиться.

Бланшар улыбнулся. За последние несколько месяцев, пока он вел дела Клариссы, он помолодел лет на десять, посвежел и похорошел. Он больше не чувствовал себя выброшенным на обочину жизни, напротив – теперь жизнь сама готова была плясать под его дудку, что доказывали десятки визитных карточек с громкими именами, карточек, которые оставляли посетители в его передней. Что же до его подруги, о ней и говорить нечего. Деньги явно были ей к лицу. Она обновила гардероб, прическу, цвет волос и настроение. Жизнь вовсе не кончена – напротив, она продолжалась и обещала еще так много, что грех было этим не воспользоваться. Однако в намерения Клариссы вовсе не входило делить радости жизни с незнакомыми и, скажем прямо, чужими ей людьми лишь потому, что формально они остаются ее родственниками.

Возможно, новоиспеченная миллионерша недооценила упорство родных. Стоило юному мистеру Джорджу Уинтерберри заявиться в Ниццу, как он сразу же напросился в гости к бабушке. По словам Джорджа, Ницца просто оказалась ему по пути, но каким образом можно завернуть в Ниццу с Барбадоса в Девоншир, география умалчивает.

Джордж довел до сведения бабушки, которую он про себя назвал занятой старухой, что его отец является основным наследником покойного Джозефа Уинтерберри и сейчас собирается ликвидировать дела на Барбадосе, чтобы вернуться в родные пенаты. Кроме того, в колониях не такой уж здоровый климат, и вообще, отец собирается затевать новое дело. Не поможет ли Кларисса деньгами?

– Ах, – вздохнула бабушка, любуясь на сверкающий бриллиант на среднем пальце, – какие деньги? Мне едва хватает!

Бланшар, присутствовавший при разговоре, важно кивнул и поправил галстучную булавку с огромным изумрудом. Он чувствовал себя так, словно вернулись благословенные времена империи, когда господствовали яркие цвета, крупные камни, позолота везде, где только можно, и неизвестно откуда взявшиеся состояния.

– А вообще, конечно, надо подумать, – добавила Кларисса.

Джордж приободрился и решил, что самая важная часть по приручению занятой старухи закончена успешно. В мечтах он уже видел себя наследником маршальского миллиона. Но не тут-то было.

Через две недели Джозеф получил известие о том, что его сын напился, в пух проигрался в казино Монте-Карло и неприлично себя вел, вследствие чего – и при полном одобрении бабушки – французская полиция выставила его из страны, запретив возвращаться.

При этом известии у Джозефа сделалось лицо точь-в-точь как у его отца перед ударом, но на этот раз обошлось без трагедий. Джордж, вернувшийся домой без гроша в кармане, жался к стене и испуганно блеял, что он не собирался ни пить, ни играть, но Бланшар заявил, что неприлично быть вблизи от Монако и даже не зайти в казино, а бабушка дала денег на расходы. Джордж поиграл один раз, другой, зашел в одно местечко, в другое... а потом помнил лишь, что с кем-то подрался, но с кем и из-за чего – осталось тайной для него самого. В любом случае, простила бабушка с ним крайне холодно и дала ему понять, что больше не ждет к себе ни его, ни его близких.

– Эх, дорого бы я дал, чтобы увидеть физиономию Джорджа в этот момент! – вскричал Уильям, узнав о крушении планов старшего брата, и немедленно послал в Ниццу своего сына Стивена, милого, воспитанного юношу, – доказать Клариссе, что отнюдь не все Уинтерберри кутят, играют и пьют.

Однако через некоторое время Стивен так же с позором вернулся домой. Нет, он выполнил все заветы отца и обходил за милю казино, а также все веселые заведения. Но однажды утром лакей бабушки обнаружил в его кармане золотые ложки, которые неизвестно как исчезли накануне во время ужина. Кларисса подозревала слуг и дала им это понять, а на самом деле кражу совершил ее собственный внук.

– Идиот! – кричал Уильям, потрясая кулаками над лицом растерянного сына. – Ты хоть понимаешь, что ты натворил?

– Я не брал их! – стонал Стивен. – Клянусь, не брал! Понятия не имею, как они ко мне попали!

– Что ты на него набросился? – сказала заплаканная жена Уильяма. – Разве ты не знаешь, что он просто не мог этого сделать?

Уильям задумался.

– Конечно, это адвокат подстроил, – мрачно проговорил он наконец. – Подложил ложки тебе в карман, а потом слуга якобы случайно их обнаружил! И все для того, чтобы опорочить нас во мнении этой... этой мегеры!

Клекоча от ярости, как индийская кобра, он направился к себе и написал матери длинное французское письмо, полное извинений и заверений в том, что такое больше никогда не повторится. Кларисса бросила письмо в камин нераспечатанным.

– Как же это хлопотно – избавляться от собственных наследников, – пожаловалась она. – Но мне до смерти надоела эта постная физиономия в моем доме. Я была уверена, что еще немного, и дорогой внук Стивен накормит меня мышьяком.

– А теперь кого ждем? – весело спросил адвокат.

– Не знаю. Я была бы рада никого из них не видеть, но ради денег на что только не пойдешь!

Узнав о провале двух старших братьев, Генри решил пойти ва-банк и отправил в Ниццу обоим своим детям, близнецов Тома и Джудит. Рекомендации его были просты: никакого казино, никаких увеселений и зорко следить за карманами, как бы в них чего не подбросили.

– Вас двое, – сказал Генри, – вам будет легче. И ни в коем случае не показывайте вида, что вы думаете о бабушкиных деньгах!

И близнецы пустились в путь. Первое же письмо, полученное от них, весьма озадачило мистера Генри. Среди прочего там сообщалось, что бабушка Кларисса отлично говорит по-английски и вовсе не забыла этот язык.

– Так для чего она морочила нам голову и заставляла нас писать по-французски? – нахмурился Генри. – Не понимаю!

Второе письмо, впрочем, его успокоило. Том умасливал бабуку, как мог. Джудит играла на фортепьяно и пела песни, английские и французские. Том нарисовал бабкин портрет, безбожно ей польстив. Кларисса хмыкнула и высказалась в том духе, что ее рисовали художники и почище и что англичане вообще мало что смыслят в искусстве, а затем все же заявила, что молодость надо поощрять.

– Юбер, – сказала она Бланшару, – принесите из моей комнаты ту зеленую вазу... Я хочу подарить ее дорогому внуку!

Том распрямил плечи. В мечтах он уже видел себя обладателем маршальского миллиона, и Джудит ревниво поглядывала на него.

Погостив месяц у милой бабушки, близнецы засобирались домой. Все шло отлично, их не завлекали в казино, им не подбрасывали золотые ложки. А потом разразилась катастрофа.

Катастрофа эта приняла вид маленького тщедушного человечка с печально обвисшими усами, который явился с непонятной бумажкой, дававшей ему право обыскать багаж близнецов. Том протестовал, но его протесты никто не услышал. Он пытался спросить, в чем вообще дело, но так как по-французски говорил немногим лучше тетушки Сюзан, человечек его не понял.

Кроме того, он был очень занят, роясь в чемодане Тома. Внезапно человечек издал торжествующий крик:

– Ага! Вот и она!

И он извлек на свет божий ту самую вазу, которую бабушка Кларисса столь великодушно подарила своему внуку.

– Сэр, – возмутился Том, – это подарок! Un cadeau!¹⁰

Человечек вздохнул и поглядел на него с жалостью.

– Месье, это старинная китайская нефритовая ваза, – сказал он, – и она стоит столько же, сколько хороший дом в Ницце. Ваша бабушка заявила, что у нее украли вазу и что сделать это могли только вы. Мне очень жаль, но вы арестованы.

– Но это подарок! – простонала Джудит.

– У вас есть свидетели? – поднял брови человечек. – И потом, если это подарок, к чему вашей собственной бабушке заявлять на вас?

Однако бабушка Кларисса оказалась на редкость непоследовательна. По ее словам, она была счастлива тем, что ей вернули ее любимую вазу, которую, как она думала, она утратила навсегда. Что касается похитителей, то, поскольку они ее родственники, она согласна не заводить против них дело – с условием, что они больше никогда не потревожат ее покой.

Зареванных близнецов посадили на поезд, и через несколько дней они были дома. Выслушав эпопею с вазой, Генри всплеснул руками.

– Какой кошмар! В целом свете не было такой жестокосердной матери!

И в полном расстройстве он написал письмо Роберту, заклиная его держаться от зловредной Клариссы подальше.

Роберт был бы рад последовать совету, но дела младшего Уинтерберри шли вовсе не блестяще. Желая увеличить свой доход, он вляпался в спекуляцию сомнительными акциями и потерял деньги. Сознывая свою вину, Роберт ходил мрачнее тучи, и все это время его неотвязно терзала мысль, что в нескольких сотнях миль от него припеваючи живет его родная мать, которая может дать любую сумму и спасти семью от нищеты. Но, судя по приему, который она оказала его племянникам, рассчитывать Роберту было не на что.

Он потерял аппетит и ночами лежал без сна, глядя в потолок. Жена стала тревожиться. Не выдержав, он рассказал ей все.

– Моя сестра Сьюзан замужем за парижским юрисконсультom нашего посольства, – сказала Мэри. – Мы можем попытаться занять денег у них.

– А чем мы будем отдавать долги? – мрачно спросил Роберт.

Мэри задумалась.

– Мэй совершенно не подходит для того, чтобы просить денег у твоей матери, – сказала она.

– Совершенно, – уныло подтвердил Роберт. Двое сыновей были еще детьми, и на них тоже рассчитывать не приходилось.

– Она слишком бесхитростная, – добавила жена.

– И добрая, – проворчал Роберт, вспомнив, как дочь нянчилась с найденным в саду ежом, который сломал лапку. Лапка вскоре срослась, а еж стал постоянным спутником Мэй и ходил за ней всюду, куда бы она ни шла.

– Поэтому у нее может что-то получиться, – рассудительно сказала Мэри.

Роберт подпрыгнул на месте.

– Чтобы я послал ее к... к моей матери? Ни за что!

– Это наш последний шанс, – печально сказала Мэри. – Я напишу Сьюзан письмо, она встретит Мэй в Париже. Там же Мэй подберет бабушке подарок, что-нибудь на память, потому что в Литл-Хилл ничего подходящего не найти.

– Ее обвинят в краже, – сердито сказал Роберт. – Или навяжут дорогую вазу, а потом скажут, что она сама ее взяла. Или еще что-нибудь случится.

---

¹⁰ Подарок (франц.).

– Мы ей обо всем расскажем, – успокоила его Мэри. – И предупредим. Она у нас хоть и не слишком практичная, но умная.

По виду своей жены Роберт понял, что она уже все решила.

– Ты хоть понимаешь, что все это окажется напрасно? – спросил он. – Моя мать вычеркнула нас из своей жизни, и все ее поведение показывает, что она не намерена менять свое отношение.

Прежде чем ответить, Мэри аккуратно разгладила ладонью складку на юбке.

– Я думаю, Мэй будет полезно съездить в Ниццу, – сказала она. – Слишком много времени она проводит в Литл-Хилл со своим ежом, пони и книжками. – Мэри промолчала. – В нашем городке все к ней слишком добры, и я думаю, что сейчас самое время понять, что на свете бывают не только друзья и что люди вовсе не так хороши, как она думает.

– Если только ради этого... – нерешительно начал Роберт.

– Конечно, мы будем рады, если ей удастся что-то сделать, – заметила Мэри. – Но если твоя мать откажет, обратимся к моей сестре. А Мэй ничего не грозит. Худшее, что с ней может случиться, – ее обвинят в краже, но она ведь будет предупреждена, верно?

В то мгновение Мэри, конечно, не могла предвидеть, как будут развиваться события в Ницце. Иначе она, без сомнения, настояла бы на том, чтобы Мэй сидела дома, играла с ежом и читала книжки. Но жена Роберта Уинтерберри, хоть и была наделена превосходным здравым смыслом, вовсе не обладала даром предвидения.

Итак, Мэй выслушала наставления родителей, упаковала чемоданы и выехала в Париж, где на несколько дней задержалась в семье Беннетов. Дальше Мэй собиралась ехать вторым классом, но тетя Сьюзан возмутилась и настояла на том, чтобы купить билет на «Золотую стрелу» в первый класс.

– Мы дадим телеграмму твоей бабушке, чтобы слуги встретили тебя на вокзале, – добавила тетя Сьюзан.

Если бы это зависело только от Мэй, то она предпочла бы вообще не встречаться со своей эксцентричной бабушкой, от которой не ждала ничего хорошего. Может быть, именно поэтому она так медленно собирала вещи, что в конце концов едва не опоздала на поезд.

Но все осталось позади, и теперь она сидела в бодро стучащем по рельсам вагоне-ресторане, напротив баронессы Корф с ее загадочными золотистыми глазами, и молодой официант почтительно подошел к ним, чтобы принять заказ.

Глава 5

Семейная ссора

– И еще шабли, – сказала Амалия, заканчивая перечисление блюд. – Так как, вы сказали, зовут вашу бабушку? – обратилась она к девушке.

Краснея, Мэй завела прядь волос за ухо и повторила имя Клариссы.

– Нет, – с сожалением проговорила Амалия, – боюсь, я ее не знаю. А вы что будете брать?

Совершенно успокоившись, Мэй объяснила официанту, что именно она будет есть. Рассеянно слушая ее, Амалия про себя отметила неплохой – для англичанки – французский. «Значит, к Клариссе приехала еще одна наследница... Ну что ж!» И Амалия, подавив невольную улыбку, отвернулась к окну.

Благосклонный читатель, конечно, уже догадался, что баронесса Корф сказала неправду или, во всяком случае, не всю правду о своем знакомстве с Клариссой Фортескью. Об эксцентричной даме, которая купила, не торгуясь, самую дорогую виллу в окрестностях города, знали все, кто хоть раз в Ницце бывал, а ведь Амалия приезжала туда довольно часто. Слуги, бывшие в курсе всех местных сплетен, с удовольствием пересказывали ей колоритные подробности изгнания Джорджа, Стивена и близнецов. Несколько англичан, постоянно проживавших на Ривьере, даже держали пари на то, сколько удастся продержаться очередному претенденту на наследство.

«А впрочем, – добавила про себя Амалия, – меня это ничуть не касается». Она машинально поправила уголок салфетки возле блюда и стала смотреть по сторонам.

В вагоне-ресторане в это время было немного народу. В углу, недалеко от стола Амалии и Мэй, сидела рыжая дама в темно-красном платье с большим вырезом на спине и молодой фатоватый брюнет с щегольскими усиками. Дама, понизив голос и вертя в руках вилку, оживленно говорила что-то молодому человеку, а он улыбался в ответ. В другом ряду плотный господин, по виду крупный коммивояжер, в ожидании своего заказа изучал газету. Посередине вагона у окна сидела целая семья: муж, добродушный улыбчивый коротышка, его полная жена с тремя подбородками, миловидная гувернантка и двое детей, мальчик и девочка. Амалии было достаточно бросить взгляд на физиономию мужа, чтобы составить себе представление о его жизни: деловая хватка, солидное состояние и при том приятный, открытый характер, который привлекает к нему людей, а женщин, вероятно, в особенности. «Причем жена, – мелькнуло у Амалии в голове, – наверняка обо всем знает и смотрит на его шалости сквозь пальцы». И тут она заметила огненный взгляд гувернантки, направленный на хозяина. Взгляд этот длился, наверное, лишь долю секунды, но говорил о многом. «Поразительно, какие страсти вызывают порой самые заурядные люди, – подумала Амалия. – На что бы эта молодая женщина ни рассчитывала, она явно обманулась в своих ожиданиях... и теперь будет отыгрываться на детях. Да, печально, очень печально». Ей сделалось неуютно, и она отвернулась. В глаза ей сразу же бросилось, что Мэй чем-то огорчена.

– У них нет чая, – пояснила девушка.

– Я попросила бутылку шабли, – сказала Амалия, – думаю, хватит на нас двоих.

Мэй замаялась. Она хотела сказать, что дома никогда не пила вина, но что-то в выражении глаз Амалии подсказало, что спорить бессмысленно.

«Наверняка она хотела мне сказать, что вино не для нее, – подумала Амалия, от которой ничто не могло укрыться. – И как ее родителям хватило духу отпустить в дорогу такого ребенка?»

Поезд прогрохотал по какому-то мосту, коммивояжер неторопливо перевернул страницу газеты, гувернантка прошипела мальчику: «Я же просила вас, Рене, не трогать без нужды

солонку», и тут в вагон-ресторан ворвался вихрь. Вихрь этот имел облик молодой темноволосой женщины в синем платье, с решительными глазами и четко очерченным ртом. Сейчас этот рот был сжат, а глаза недобро прищурены и смотрели в сторону Амалии и Мэй.

Дама в синем платье, как-то по-особому стуча каблуками, прошла между столами, и на мгновение испуганной Мэй показалось, что она действительно собирается остановиться возле них с баронессой. Однако незнакомка сделала еще несколько шагов и нависла над столом, за которым сидел господин с усиками и его спутница в открытом красном платье.

«Да, увял...» – смутно подумала Амалия, увидев, как вытянулась физиономия господина с усиками. Дама в красном платье обернулась, и взорам присутствующих открылось накрашенное личико кокетки – простое, довольно симпатичное и, увы, уже со следами бурного прошлого. Она с недоумением взглянула на даму в синем, но тотчас в лице кокетки произошла перемена. Очевидно, она прекрасно знала, кто стоял возле их стола.

– Теодор, – крикнула дама в синем, – вы негодяй!

Ее глаза метали молнии, руки судорожно сжимали сумочку.

– Дорогая... – пролепетал господин.

– Не смейте меня так называть! – Дама в синем топнула ногой. – Вот, значит, какие дела вынудили вас ехать в Ниццу! Вы мерзавец!

– Прошу вас, Матильда... Вы слишком взволнованы. – Господин по имени Теодор говорил, а взгляд его растерянно метался по вагону-ресторану, подсчитывая свидетелей позора. – Это... это случайная встреча... Она ничего не значит, уверяю вас!

Коммивояжер вынырнул из-за газеты, хмыкнул и закрылся ею полностью. Гувернантка ядовито улыбалась, на лицах мужа и жены было написано любопытство, а дети застыли на месте, ничего не понимая, но чувствуя, что происходит нечто невиданное. Еще бы, они стали свидетелями настоящей сцены!

– Ничего не значит? – возмутилась дама, повышая голос. – Вы едете с этой особой в одном купе! – И она предприняла попытку испепелить рыжую разлучницу взглядом, но та даже ухом не повела. Судя по всему, у разлучницы и самой огня было в избытке.

– Матильда! Умоляю вас... Я все вам объясню!

– Дорогой Теодор, – с безграничным презрением промолвила дама, – с меня довольно! И разговаривать вы будете не со мной, а с моим отцом! Надеюсь, вам удастся объяснить ему, для каких таких деловых переговоров вы оплатили лучшую гостиницу в Ницце... с видом на море!

– Матильда, прекратите немедленно!

Женщина может загнать мужчину в угол, но ненадолго. Только что Теодор был мертвенно бледен и лепетал жалкие слова, но вот его глаза угрожающе сверкнули, и он преобразился.

– Если вам угодно позорить себя этим балаганом, я не намерен в нем участвовать! – Он швырнул на стол салфетку и встал.

– Я позорю вас? – возмутилась Матильда. – А вы, Теодор? Что вы делаете со мной? Чем я заслужила такое отношение, чем?

В ее голосе зазвенела мука. Амалия нахмурилась. Семейная сцена все больше претила ей.

– Матильда, на нас смотрят, – вполголоса проговорил Теодор.

– И пусть! Мне все равно! Отчего же вы не беспокоились раньше, когда они смотрели на вас с этой тварью?

Похоже, рыжая решила обидеться всерьез.

– Как вы любезны, госпожа графиня, – сказала она, усмехаясь. – Только как тогда называть человека, который разоряет другого, чтобы заставить его жениться?

– Что вы несете! – возмутилась Матильда. Но пылу у нее заметно поубавилось.

– Можно подумать, вы не знаете, – отчеканила рыжая, глядя ей прямо в глаза. – Если бы не делишки вашего отца, никогда бы Теодор не стал вашим мужем! И нечего тут говорить о

любви, сударыня. Сядь, Теодор! Нам еще должны принести десерт. А эта пусть кричит, сколько ей влезет, коли охота себя на посмешище выставять.

Теодор посмотрел на любовницу – и медленно опустился на место. На скулах Матильды выступили красные пятна.

– Теодор! Я этого так не оставлю! Ты пожалеешь!

– Можно подумать, я не жалею, – с самого дня свадьбы!

Судя по всему, Теодор дошел до той опасной точки, когда готов был выложить все, что накопилось на душе; это ошеломило его жену сильнее, чем оскорбление.

– Не смей так говорить! – возмутилась молодая женщина. – Не смей, слышишь? Или я все расскажу моему отцу!

– Довольно, Матильда, – оборвал ее муж со скупающей гримасой. – Хочешь, я пошлю ему со следующей станции телеграмму? «Отдыхаю в Ницце с подругой, желаю и вам того же. Зять». А то твой отец скоро доработается до удара – ни одного дня свободного.

– Ах, вот о чем ты мечтаешь! – крикнула Матильда. – Чтобы он умер! Скажи, а может быть, ты хочешь, чтобы я тоже умерла? Ты ведь этого хочешь, да?

И тут Мэй услышала слова, от которых у нее перехватило дыхание.

– Да, – спокойно ответил Теодор, глядя в лицо жене и улыбаясь нехорошей улыбкой, от которой его рот искривился. – Меня вполне устроило бы, если бы ты упала под этот поезд. – Он перегнулся через стол и прошипел: – Довольна?

Матильда отшатнулась, сдавленно всхлипнула, стиснула сумочку, словно в ней заключалось ее спасение, и бросилась прочь. Она бежала, как слепая, наклонив голову, и по пути налетела на край стола, за которым сидели Амалия и Мэй.

– Осторожнее, сударыня, – сухо сказала баронесса, подхватив стоявшую на столе вазочку, едва не упавшую от толчка.

Ничего не ответив, Матильда выбежала из вагона. Дверь захлопнулась с резким стуком.

Глава 6

Крик в ночи

Если англичанину случится стать свидетелем скандала, он непременно попытается превратиться в столб, шкаф, или стул, или во что-нибудь столь же деревянное и неодушевленное. Сердца разобьются, глаза ослепнут от слез, судьбы людей уже никогда не будут прежними, и тут англичанин оживет, повернется к вам и учтиво скажет что-нибудь вроде: «Сегодня прекрасная погода, не правда ли?»

Мэй изо всех сил пыталась не подавать виду, что слышала и видела происходящее. С ее точки зрения, этого требовали приличия, но душа ее разрывалась между любопытством, негодованием и сочувствием. По правде говоря, она вообще впервые в жизни видела семейную суету, потому что ее родители жили душа в душу, а их соседи и знакомые были – или казались – до отращения добропорядочными. И юная Мэй чувствовала себя сейчас, как Ливингстон, впервые ступивший в дебри, кишачие неведомыми чудовищами. Тут до нее донеслись слова Амалии.

– Скандал – это как карточная игра, – задумчиво заметила баронесса. – Вы играете в карты, мисс Мэй?

Слегка оторопев от сравнения, Мэй призналась, что иногда играет с братьями, но в шутку. Амалия кивнула.

– Можно сказать, что в отношениях скандал – нечто вроде главной ставки, и разыгрывать ее надо, во-первых, хладнокровно, а во-вторых, умело, когда у вас на руках все козыри. Если же у вас ничего нет, кроме шестерок и сомнительной мелочи, то лучше воздержаться. Иначе результат будет именно таким, какой мы наблюдали.

– Вы шутите? – недоверчиво спросила Мэй, оглядываясь на соседний столик.

Теодор и его рыжая спутница как ни в чем не бывало разговаривали вполголоса, смеялись и поедали десерт. Коммивояжер, которому принесли заказ, время от времени поглядывал на них, чему-то улыбаясь про себя. Дети восхищенно глазели на спину рыжей дамы, белевшую в вырезе откровенного платья. Появились еще несколько пассажиров, рассеявшиеся за свободными столиками.

– Ничуть, – ответила Амалия. – Что мы видели? Дама застала мужа в поезде с любовницей. Это не козырной туз, но при умелом розыгрыше мог бы стать таковым. Надо же было потерять над собой контроль и разыграть все так скверно, чтобы потерпеть полное поражение и услышать от супруга, что он спит и видит, как бы скорее овдоветь.

– По-моему, он просто негодяй, – пылко сказала Мэй. Амалия улыбнулась.

– Дорогая мисс Уинтерберри, – сказала она, – я нечасто даю советы, но на сей раз все-таки рискну. Не требуйте от людей больше того, что они согласны дать, особенно если эти люди абсолютно вам неизвестны. С сотворения мира мужья обманывают жен, а жены – мужей, и это еще не самое худшее из того, что может произойти на свете. Смерть близких, болезни детей, природные катаклизмы – все это куда более трагично и куда более страшно, чем тот факт, был ли верен Джон Мэри и наоборот. Есть только одно средство привязать человека к себе: его собственная добрая воля. Если этого нет, не спасут никакие клятвы у алтаря.

Мэй покраснела и залпом проглотила свой шабли. По природе она была максималисткой, и все, что не белое, для нее было черным.

– Все равно, – упрямо проговорила девушка, – я считаю, что предавать близких нехорошо. А это... – ее голос дрогнул, – просто предательство.

– Когда вы повзрослеете, то поймете: зачастую не бывает более далеких людей, чем близкие, – мягко сказала Амалия.

Мэй вспомнила о своей бабушке и умолкла.

– Я понимаю, что это не мое дело, – вновь заговорила она через несколько минут, ковыряя вилкой в тарелке. – Просто мне очень ее жаль.

– Кого? – спросила Амалия.

– Ну... Даму в синем. – Мэй порозовела.

– Почему? – безжалостно спросила Амалия. – Потому что она не старая и на ней красивое платье от Жанны Пакэн?¹¹ А если бы ей было пятьдесят и она была бы плохо одета?

Мэй надулась.

– Я не могу рассуждать о том, чего нет. То, что он сказал ей, просто ужасно!

– Думаете, он и впрямь способен толкнуть супругу под поезд? – улыбнулась Амалия. – Нет, мисс Мэй. У людей, которые много говорят, разговорами все исчерпывается. Просто он был рассержен и сказал то, о чем уже жалеет. Потому что это и в самом деле чересчур.

Мэй задумалась.

– И что же теперь будет? – несмело спросила она. – Я имею в виду, что с ними... дальше? Как им теперь с этим жить?

Амалия пожала плечами.

– Понятия не имею. Вряд ли дело дойдет до развода, потому что это слишком хлопотно и опять-таки слишком публично. Значит, помирятся и примутся кое-как, по удачному выражению одного беллетриста, «влачить совместное существование».

Мэй тряхнула волосами и машинально отпила еще шабли. Вино оказалось чудо как хорошо и охлаждено как раз в меру.

– Я бы такое не простила, – решительно заявила она.

– Не думаю, что у вас когда-нибудь возникнет нужда в таком выборе, – безмятежно отозвалась баронесса. – Уверена, вы вообще не станете связывать свою судьбу с человеком, от которого можно услышать что-то подобное.

– Почему вы так думаете? – быстро спросила Мэй. – Вы ведь совсем не знаете меня, миледи.

Уже задав вопрос, она с опозданием сообразила, что он вышел не то чтобы дерзким, но с намеком на вызов, и поспешно отставила бокал. «Наверное, это все французское вино... И что это на меня нашло? Мы обсуждаем людей в их же присутствии, о, видела бы меня тетя Сьюзан! Мэй Уинтерберри, ты ведешь себя неприлично. Сейчас же надо перевести разговор на другую тему, например, какая погода сейчас в Ницце...»

– На мой взгляд, вы очень благоразумны, – заметила Амалия, отвечая на вопрос Мэй. – Скажете, я ошибаюсь?

И что прикажете отвечать? Сказать «нет, миледи, я вовсе не благоразумна»? А сказать «да» – так получится, что она хвалит себя саму, что тоже не слишком хорошо.

Мэй поймала себя на мысли, что чувствует себя, как улитка, которую вытащили из уютного домика. Ее тянуло обратно – и в то же время хотелось, чтобы Амалия сказала еще что-нибудь *этакого*, а значит, с возвращением следовало повременить. «И почему у меня такое ощущение, словно я знаю ее уже много-много лет? – размышляла Мэй. – В конце концов, мы только случайные попутчицы, завтра поезд прибудет в Ниццу, мы расстанемся, и я больше ее не увижу...»

И она искренне огорчилась. Ей ужасно нравилась Амалия, и, по совести говоря, она была бы не прочь иметь именно такую старшую сестру – умную, великодушную и щедрую.

Когда они возвращались из вагона-ресторана в свое купе, то столкнулись в коридоре с дамой в синем, которая отзывалась на имя Матильда. Глаза у нее покраснели, судя по всему,

---

¹¹ Жанна Пакэн – знаменитая французская модистка.

она плакала. Матильда взглянула на Амалию и ее спутницу и отвернулась, очевидно, вспомнив, что они присутствовали при ее унижении.

В купе номер семь было прохладно. Войдя, Амалия первым делом закрыла окно.

– Скоро станет гораздо теплее, и можно будет лечь спать, – сказала Амалия, улыбаясь. –

Завтра утром окажемся в Ницце.

– А мы не пропустим станцию? – встревожилась Мэй.

– Нет, кондуктор нас разбудит.

Остаток дня как-то скомкался в памяти Мэй, – может быть, сказалось то, что она впервые в жизни пила вино, а может быть, просто устала. Колеса стучат по рельсам – стук становится резче и назойливей, значит, они проезжают мост – гулкий стук означает, что едут по туннелю – а вот ее ежик Джек бежит, семена лапками, и в следующее мгновение он уже не Джек, а официант в вагоне-ресторане, но с ушками, как у ежа, и в лапке у него бутылка шабли, но, присмотревшись, Мэй видит, что это вовсе не вино, а флакон духов.

– Самое лучшее вино! – жизнерадостно заверяет ее Джек, вновь превращаясь в ежа, и неожиданно вагон-ресторан скрывается из глаз так быстро, как это бывает только во сне.

– А-а-а!

Мэй открыла глаза.

...крушен...

...белье!

...состав сошел с рельсов...

За окном стояла густая, как чернила, тьма. Никто не кричал, не звал на помощь, словом, никаких признаков железнодорожной катастрофы. Мэй с облегчением перевела дух.

– В чем дело? – спросила баронесса Корф по-русски, не открывая глаз.

– Что? – робко переспросила Мэй. – Простите, миледи... Мне показалось, что кто-то кричал. Я вас разбудила?

Амалия не стала уточнять, что у нее чуткий сон и ее тоже разбудил крик в коридоре. Сказала лишь:

– Может быть, кому-то нужна помощь? Схожу посмотрю.

Она поднялась и приоткрыла дверь.

В неярком свете ламп она разглядела в конце вагона знакомую фигуру в синем платье.

– Что-нибудь случилось, сударыня? – очень вежливо спросила Амалия. – Нам послышался какой-то крик.

Матильда обернулась. На лице молодой женщины было написано волнение, но она попыталась улыбнуться.

– Простите, сударыня, – проговорила она, – наверное, это все нервы. Я не люблю поездов, а в этот раз мне приснилось что-то совершенно нелепое. Наверное, это из-за... – Она умолкла.

– Простите мое любопытство, – сказала Амалия. – И... – Она поколебалась, но все же проговорила: – Спокойной ночи. Завтра будет новый день, и все как-нибудь образуется.

Матильда грустно усмехнулась.

– Да, – сказала она, – я только на это и надеюсь. Спокойной ночи, сударыня. – Она кивнула Амалии и скрылась в своем купе.

Когда Амалия закрыла дверь, она увидела, что Мэй, приподнявшись на локте, вопросительно смотрит на нее.

– Это была *она*? – спросила Мэй драматическим шепотом. – Что с ней?

– Говорит, приснился кошмар, – проворчала Амалия, забираясь в постель. – Спите, Мэй. До Ниццы еще далеко.

Мэй хотела задать еще тысячу вопросов о Матильде, за судьбу которой очень переживала, но по лицу Амалии поняла, что та не расположена говорить. Девушка вздохнула, натянула одеяло повыше и закрыла глаза. «Золотая стрела» торжественно рассекала ночь.

Глава 7

Барышня и монстр

Белый локомотив с золотой стрелой на боку вплыл под своды главного вокзала Ниццы, зашипел, как сказочный дракон, заскрежетал всеми поршнями и замер вдоль перрона.

Мэй поглядела в окно – и не увидела ничего, кроме переплетения рельсов и рабочего железной дороги, который шел по путям, держа под мышкой бутылку с молоком. На элегантный экспресс он не обратил ровным счетом никакого внимания и, конечно, даже не подозревал о существовании Мэй.

«Ах, что-то ждет меня впереди?» – в смятении подумала бедная девушка.

Она заметила, что баронесса Корф отчего-то хмурится, и подумала, что Амалии, наверное, тоже не очень хотелось в Ниццу. Странным образом это обстоятельство приободрило Мэй.

– Прощайте, – сказала Амалия. – Желаю вам всего наилучшего.

Мэй так растерялась, что могла лишь пролепетать:

– До свидания... надеюсь, мы еще увидимся...

Однако Амалия не стала ее слушать и заторопилась к выходу. Внезапно Мэй охватило такое чувство одиночества, словно она была не в «Золотой стреле», переполненной людьми, и не в центре одного из самых известных европейских городов, а на далекой-далекой планете, где не было никого, кроме нее одной.

Она медленно вышла следом за баронессой, машинально нащупывая в сумочке багажную квитанцию, и почти сразу же увидела живую и невредимую даму в синем, которая говорила носильщикам, чтобы они выгрузили из купе ее чемодан. Матильда бросила на девушку холодный взгляд и отвернулась.

– Осторожнее с чемоданом, – сказала она носильщикам.

«Тетушка Сюзан сказала, что даст телеграмму, чтобы меня встретили... А что, если не встретят? Что тогда делать?»

Мэй стала вертеть головой по сторонам, пытаясь определить, кто из стоящих на перроне может ее встречать. Народу было немного – в сентябре из Ниццы больше уезжают, чем прибывают. Какой-то офицер, который неловко держит согнутую руку, очевидно, после ранения, дама с маленькой смешной собачкой, носильщики...

– Мадемуазель Винтерберре!

Именно так, с ударением на последнем слог.

Мэй оторопела, а нахал подошел уже совсем близко и повторил:

– Мадемуазель Винтерберри!

Это был чумазый оборванец с улыбкой до ушей, одетый, как рабочий, темноволосый, кудрявый, в кепке – в кепке! – надвинутой на правый глаз. Глаза, впрочем, небесно-голубые. На носу красовалось пятно сажи, неизвестно откуда взявшееся.

– Это я, – пролепетала Мэй.

Нахал перестал озираться, ища среди пассажиров неизвестную ему мадемуазель Винтерберри, и без всякого стеснения уставился на нее.

– Вы приехали к мадемуазель Клариссе? Она вас ждет.

Сообщение, что ее ожидает голодный леопард или тигр, не могло сильнее обескуражить Мэй.

– Кто вы такой? – окончательно растерявшись, спросила она.

– Я Кристиан, – объявил оборванец так, словно это что-то объясняло. – Где ваши вещи?

Он стоял напротив Мэй, заложив руки за спину. Нехотя Мэй созналась, что два чемодана в купе, а остальные четыре...

– Давайте сюда вашу квитанцию, – сказал Кристиан, протягивая руку. – Эй, Робер! – Он свистом подозвал носильщика и вручил ему квитанцию. – Сгоняй-ка за багажом мадемуазель, да поскорее! Какое купе? – спросил он у Мэй.

– Седьмое, оно...

Но оборванец уже удалился.

Мэй почувствовала, что события окончательно вышли из-под контроля. Воображение рисовало ей картины того, как она, обокраденная сообщниками собственной бабки (наверняка негодьями, каких свет не видел), останется на перроне без драгоценных чемоданов, включая тот, с которым прадедушка по материнской линии гонялся за Наполеоном по всей Европе, от Португалии до Бельгии. Отдавая Мэй этот выдавший виды исторический раритет, мать глубококоммысленно заметила:

– Если он тогда не развалился, то теперь-то уж точно послужит. – И, погладив чемодан рукой, со вздохом прибавила: – Береги его, Мэй!

Теперь она близка к тому, чтобы утратить и драгоценный чемодан бабушки, и чемоданчик с монограммой, и чемодан, купленный специально к ее поездке, который она ухитрилась поцарапать в первый же день путешествия, и...

– Ну, вот, – объявил негодяй номер один, материализуясь возле нее с ее чемоданами из купе. – Робер!

Предполагаемый негодяй номер два уже принес вещи из багажного вагона. Этот носильщик был не так ловок, как его парижский коллега, и едва управлялся. Впрочем, что тут говорить, – провинция есть провинция.

– Идемте, мадемуазель, – сказал Кристиан. – Экипаж нас ждет!

– А... мы поедем в карете? – неуверенно спросила Мэй.

– Можно сказать и так, – усмехнулся Кристиан.

События вновь подхватили Мэй и повлекли за собой. Почти не сопротивляясь, она шла за Кристианом и Робером, которые тащили ее вещи. На узкой улочке около вокзала перед ней стояло *это*.

Оно имело четыре деревянных колеса, оси между которыми были выкрашены в красный цвет, два ряда вызывающе желтых кожаных сидений и красную колонку спереди, из которой торчало маленькое колесико неизвестного назначения. Под колонкой выше колес виднелась длинная черная металлическая коробка, и было также совершенно непонятно, для чего она здесь нужна. Никаких лошадей к желто-красно-черному монстру не прилагалось.

– Вы сейчас сядете сзади, – распорядился Кристиан, – а чемоданы я поставлю спереди, рядом со мной.

– Что это? – дрожащим голосом спросила Мэй.

– Это автомобиль, – объяснил проклятый оборванец, ухмыляясь во весь рот. – Некоторые предпочитают называть его локобилем, потому что двигатель у него паровой, но, по-моему, автомобиль тоже хорошо. Вы не согласны?

Мэй поглядела на оборванца, перевела взгляд на застывшего в молчании Робера, который, судя по плутоватой усмешке, тихо наслаждался происходящим, и поняла, что пришел ее последний час. Мэй отлично помнила, какие разговоры ходили в Литл-Хилле после того, как жена местного богатея вздумала как-то раз прокатиться на автомобиле своего кузена из Лондона. Тогда автомобиль скатился в канаву, жена богатея отделалась сломанной рукой, а викарий прочел имевшую шумный успех проповедь о тщете так называемого прогресса, к которому стремятся некоторые незрелые души.

– Куда вы, мадемуазель? – удивился Кристиан, видя, как Мэй медленно, но верно отступает спиной по направлению к вокзалу.

– Я... я только что вспомнила, – солгала Мэй. – Я кое-что забыла! Да, забыла! Я сейчас вернусь!

И она, уже не скрываясь, почти бегом бросилась прочь. Когда она скрылась из виду, два негодяя переглянулись и разразились смехом.

– По-моему, она сегодня впервые в жизни увидела автомобиль, – сказал Робер. – Чемоданы-то ставить?

– А если она не вернется? – Кристиан перестал смеяться. – Конечно, это нехорошо, но... какое у нее стало лицо!

И они снова принялись самым беззастенчивым образом хохотать над бедной Мэй.

Оказавшись на достаточном расстоянии от пугающего желто-красно-черного монстра, Мэй перешла на шаг и перевела дух. Надо немедленно что-то предпринять, только вот что?

Сказать самым учтивым тоном: «Благодарю вас, сэр, но я поеду отдельно» – и взять кэб? Но ни одного кэба, как на грех, нигде не видно. Кроме того, Мэй некстати вспомнила, что во Франции их вообще нет, только обычные экипажи.

Обратиться в полицию? Но разве в поездке на автомобиле есть элемент криминала? И на что, собственно, пожаловаться?

Или лучше всего вообще махнуть рукой на Ниццу, на бабушку, на парового монстра, купить обратный билет и бежать без оглядки, не останавливаясь, вплоть до самого Литл-Хилла?

Обдумав все как следует, Мэй поняла, что эта мысль нравится ей куда больше остальных. Но в следующее мгновение она разглядела впереди сиреневое пальто – и сообразила, кто может ее спасти.

– Миледи! Ама... Амалия! Госпожа баронесса!

И она бросилась со всех ног к своей попутчице, которая стояла возле нарядного экипажа с откидным верхом, – настоящего экипажа, запряженного настоящими лошадьми, с настоящим кучером, и внешность у кучера была такая, словно он полвека прослужил в лучших домах, и самым лучшим из них был дом баронессы Корф.

Амалия обернулась. Увидев лицо Мэй, она подумала, уж не произошло ли в жизни девушки нечто страшное. К примеру, бабушке Клариссе настолько надоели визиты непрошенных наследников, что она завещала все состояние на исследование полярных морей, а сама бросилась под «Золотую стрелу» аккуратно в день приезда внучки в Ниццу.

– Госпожа баронесса, – пролепетала Мэй, умоляюще глядя на нее, – можно я поеду с вами?

– Разве вас не встретили на вокзале? – подняла брови Амалия.

– Встретили, но... – Мэй замялась. – Это ужасно! Я не могу на *этом* ехать!

– На чем?

– На этом... без лошадей... – Мэй попыталась вспомнить мудреное слово и наконец выпалила: – На автомобиле!

Амалия вздохнула.

– Ваша бабушка прислала за вами автомобиль? – спросила она совершенно будничным тоном, словно в этом факте не было ничего особенного.

– Да.

– И почему же вы не можете на нем ехать?

Нижняя губа Мэй обиженно дрогнула.

– Я боюсь, – едва не плача, призналась она. – Я вообще никогда не ездила на автомобилях! Я даже их не видела...

Она была готова разрыдаться. Амалия внимательно посмотрела на нее и вздохнула.

– Эмильен!

– Да, госпожа баронесса? – почтительно спросил кучер.

– Подожди меня, я сейчас вернусь. Хорошо?

И она взяла Мэй под руку и увлекла ее за собой.

Мэй воспрянула духом. Ну конечно, сейчас госпожа баронесса поставит на место нахала, наведет порядок, велит отправить чемоданы к бабушке на монстре, а сама отвезет туда Мэй в своем чудесном экипаже. Почему-то Мэй и мысли не допускала, что кто-то может послушаться ее спутницу.

И в самом деле, едва завидев Амалию, нахал в кепке прервался на полуслове и почтительно вытянулся, поедая ту глазами. Его приятель-носильщик тоже умолк и стушевался.

– Кажется, это «Мень», – сказала Амалия, глядя на желто-красно-черного монстра без всякого трепета, за что Мэй заужала ее еще больше. – Хорошая машина.

Кристиан смиренно подтвердил, что так оно и есть.

– Раньше я водил «Дион-Бутон», – сказал он. – Он получше, чем «Панар-Левассор», да в «Панаре» и места поменьше. Хотя все модели по-своему хороши. Взять хотя бы «Бенц»¹²...

– Я вижу, вы разбираетесь в автомобилях, – заметила Амалия. – Это вы будете нас везти?

И этого Кристиан не стал отрицать.

– Нас? – пролепетала Мэй.

– Я доставлю вас до виллы вашей бабушки, – объявила Амалия, – а дальше поеду с Эмильеном. Месье!

Она протянула носильщику монетку.

– Будьте так любезны, на соседней улице меня ждет мой кучер, Эмильен. Скажите ему, чтобы он просто ехал за нами.

– А может быть... – пискнула Мэй.

– Никакого «может быть», – твердо ответила Амалия. – Поедем вместе.

Что-то было в ее тоне такое, что Мэй поняла: спорить бесполезно. Кристиан протянул Амалии руку, чтобы помочь ей подняться в автомобиль, затем усадил трепещущую Мэй. Дамы оказались на заднем сиденье, шофер и чемоданы Мэй – на переднем. Подъехал Эмильен, осмотрел желто-красно-черного монстра и выразительно покачал головой, словно недоумевая, как такая штука вообще может ездить. Мэй тоже этого не понимала. В глубине души она больше всего хотела, чтобы гадкий монстр сломался и они пересели в карету. Однако этого не произошло.

---

¹² Автомобильные марки 90-х годов XIX века, большинство из которых осталось в истории.

Глава 8

Пропавшая перчатка

Бах, пых, чпых!

Гррррры!

Мэй подпрыгнула на сиденье и на всякий случай покрепче уцепилась за баронессу Корф.

Вернувшийся Робер навалился плечом и подтолкнул монстра сзади. Шофер взялся за колесико – то, которое спереди, – и стал давить ногой какие-то педали, которые Мэй разглядела только сейчас. И тут автомобиль поехал.

Он ехал сам, без лошадей, извергая облака дыма. Одна из лошадей Эмильена чихнула и недовольно мотнула головой.

По улице бежали мальчишки. Завидев машину, они стали махать руками и кричать «ура», а затем припустились вдогонку. Самому смелому этого показалось мало, и он перескочил через дорогу перед самым носом пыхтящего монстра.

Шофер улыбнулся и нажал на какую-то дудку, которая извергла рев разъяренного слона. От неожиданности Мэй едва не свалилась с сиденья и еще крепче ухватилась за Амалию.

– Это вроде как предупредительный сигнал, – пояснил шофер, оборачиваясь к дамам.

– Следите лучше за дорогой, юноша, – посоветовала Амалия.

Не без труда ей удалось освободить руку от цепких пальчиков Мэй, но тут автопутешественникам повстречался старый кюре, который, задумавшись, переходил через дорогу. Шофер продудел два раза так, что у Мэй заложило уши, и она снова вцепилась в Амалию.

– Он немного глуховат, – виновато объяснил Кристиан.

Кюре поднял голову, без особого интереса поглядел на автомобиль и помахал шоферу рукой, после чего возобновил свой путь и скрылся в дверях церкви.

«Какой странный город! – думала Мэй, трясясь на сиденье рядом с Амалией. – И какие странные люди здесь живут! Если бы наш викарий в Литл-Хилле увидел бы такой автомобиль, он бы, наверное, умер от страха».

– В поездке на автомобиле нет ничего особенного, уверяю вас, – заметила Амалия. – Вот летать – это совсем другое дело, но и к полетам можно привыкнуть.

Мэй тихо ойкнула от ужаса и вновь ухватилась обеими руками за рукав баронессы.

– А вы когда-нибудь летали, сударыня? – прокричал шофер сквозь шум двигателя.

– На воздушном шаре и на дирижабле, – ответила Амалия.

– И каково это? – дрожащим голосом спросила Мэй.

– Отрываться от земли и парить над ней? – Амалия блеснула глазами. – Восхитительно!

– Между прочим, – сообщил Кристиан, широко улыбаясь, – я умею управлять воздушным шаром.

Мэй позеленела.

– Это прекрасно, – серьезно ответила Амалия и заговорщицки улыбнулась девушке. – Если когда-нибудь мы захотим прокатиться, то будем иметь вас в виду. Только не думаю, мисс Мэй, что у вашей бабушки есть свой шар.

«И слава богу!» – мелькнуло в голове у Мэй.

Вокруг мелькали пальмы, цветы, плодовые деревья. Потом путешественники свернули и поехали вдоль моря. Оно было синее-синее и совсем не походило на Ла-Манш, который даже в хорошую погоду имеет стальной оттенок.

В другое время Мэй искренне восхитилась бы красотой окружающей природы, но сейчас она еще пребывала во власти опасений и чувствовала себя не совсем уверенно. Мотор «Менье» кряхтел, ворчал, фыркал и, казалось, безостановочно бурчал на своем моторном языке неиз-

вестные людям ругательства. Поэтому Мэй предпочитала держаться поближе к Амалии. Ей почему-то казалось, что рядом с баронессой не может произойти ничего плохого.

– Долго еще? – спросила Амалия у шофера.

– Несколько минут, сударыня, – отозвался тот, и в это мгновение автомобиль остановился. Мотор зашелся в надсадном кашле и умолк. Эмильен, ехавший за ними, придержал лошадей.

– Так я и знал, – сказал он, качая головой. – Эти штуки всегда ломаются в самое неподходящее время.

Шофер сердито выпрямился.

– Кто бы говорил! Как будто лошади не могут, к примеру, взбеситься или понести.

– Зато, по крайней мере, – парировал Эмильен, задетый за живое, – они не станут поперек дороги, точно ослы, ни туда, ни сюда.

– А еще ваши лошади могут умереть, – поддел его шофер. – И что тогда вы будете делать?

– Пока я управляю экипажем госпожи баронессы, – торжественно объявил Эмильен, – это невозможно!

– Но когда-нибудь они все равно умрут, – настаивал шофер. – Техника ломается, лошади умирают, и ничего особенного в этом нет. – Говоря, он нет-нет да поглядывал на Амалию, словно ожидая, что она выскажет свое мнение, но та молчала.

Мэй оглянулась. С одной стороны были горы, с другой – море, а сверху расположилось солнце, и светило оно вовсе не по-английски скупое и даже не по-парижски ласково, а щедро и расточительно, как и полагается примерному солнцу на Лазурном берегу. Мэй почувствовала, что ей стало жарко, и заметила, что Амалия тоже расстегивает пальто. Из кармана его выпала сиреневая перчатка, и Мэй поспешно подобрала ее, – так поспешно, что стукнулась лбом о какую-то противную железюку. Девушка сдавленно охнула.

– Вы не ушиблись? – обеспокоилась Амалия.

– Нет, – героически ответила Мэй, хотя на глаза даже слезы навернулись.

– Ну конечно, ушиблись, – возразила Амалия. – Не стоило так поступать. Все равно вторая перчатка куда-то делась.

– Я все время теряю перчатки, – призналась Мэй.

– А я никогда ничего не теряю, – ответила баронесса с металлической ноткой в голосе. – Ума не приложу, куда она могла запропасться.

– Наверное, найдется, – несмело предположила Мэй. – Если вы не оставили ее в купе. Амалия покачала головой.

– Нет. Я смотрела, там ничего не было.

«Так вот почему она хмурилась тогда!» – подумала Мэй.

– Может быть, – продолжала она, – перчатка вылетела в окно, когда мы открыли его и ушли? Ужасно обидно, конечно, но... такое ведь могло случиться.

– Пожалуй, это самое правдоподобное объяснение, – вздохнула Амалия. – Но у нее не было никакого права так поступать. – Тон молодой женщины был серьезным, однако глаза улыбались, и Мэй поняла, что ее знакомая вовсе не принимает пропажу близко к сердцу.

Шофер тем временем возился с черным ящиком спереди машины, затем для чего-то забрался под машину, а когда вылез оттуда, то его вид наводил на мысли о трубочисте, которому пришла в голову шальная мысль искупаться в чернилах. Достав из кармана большущий платок, он протер лицо и руки.

– Теперь все, – доложил он, широко улыбаясь, – можно ехать.

«Никогда больше не буду ездить на автомобилях!» – содрогнулась Мэй.

Бах, пых, чпых!

Гррррры!

Так они и добрались до утопающей в цветах и зелени виллы «Маршал», на которой жила Кларисса Фортескью, в замужестве Уинтерберри, бывшая недостойная жена, а ныне весьма достойная миллионерша.

* * *

– Нет, – горячо воскликнула Мэй, – вы не можете меня покинуть!

– Почему же? – забавляясь, спросила Амалия. – Я доставила вас до места в целости и сохранности. Теперь вы знаете, что ездить на автомобилях вовсе не так страшно, и мне пора удалиться.

Но Мэй настаивала. Она не может отпустить миледи, которая была так к ней добра. Ей ужасно неловко прощаться с госпожой баронессой у ворот. Может быть, та все-таки зайдет в дом? Мэй будет счастлива представить ее своей бабушке!

В то время как у ворот виллы «Маршал» развивалась эта волнующая дискуссия, на террасе виллы «Эгмонт», расположенной напротив через дорогу, два флегматичных рыжих джентльмена типично британского вида обсуждали прибывших к соседям гостей. Оба джентльмена имели славное военное прошлое, только один – мистер Роджер Барнаби – служил в сухопутных войсках и был полковником в отставке, а другой – мистер Филип Картрайт – дослужился на флоте до чина капитана.

– Кажется, к мадам Клариссе снова гости, – доложил Барнаби.

– Подайте-ка мне мой морской бинокль, – лаконично распорядился мистер Картрайт.

Последующие несколько минут прошли в полном молчании. За это время ворота виллы растворились, пропустив автомобиль и карету, и затворились вновь.

– Лично мне и без бинокля все видно, – заявил полковник Барнаби. – Они решили пустить в ход тяжелую артиллерию.

– Вы о юной даме? – осведомился капитан Картрайт. – Та, что в сиреновом, баронесса Корф, и она не наследница. Если хотите знать мое мнение, то не думаю, что эта попытка абордажа будет иметь успех.

– Мне кажется, в конце концов они принудят старую даму к капитуляции, – продолжал полковник.

– Ничего подобного, она уплывет от них на всех парусах, – возразил капитан.

– Хотите пари? – загорелся полковник.

Картрайт вздохнул.

– Дорогой Роджер, вы уже проспорили мне стоимость хорошей яхты.

– Значит, проспорю вторую, – не остался в долгу полковник.

– Хорошо, – сдался капитан. – Ставлю 30 фунтов на то, что вновь прибывшая наследница вскоре получит пробоину ниже ватерлинии и затонет, как и ее предшественники.

– Идет, – торжественно согласился полковник, и два джентльмена скрепили пари рукопожатием. – Лично я ставлю на то, что под перекрестным огнем бабушке все-таки придется отступить.

– Что ж, поживем – увидим, – флегматично подытожил капитан Картрайт.

Пока на террасе «Эгмонта» шел этот ни с чем не сообразный разговор, желто-красно-черный монстр успел довести двух женщин до входа и, заскрежетав, остановился. Кристиан выскочил наружу и помог сойти, подав руку сначала Амалии, а затем и Мэй.

Большой дом, выкрашенный розовой краской, словно долго колебался между тем, быть ему просто виллой или все-таки дворцом, и в конце концов решил, что дворцом почетнее. После этого он, а скорее всего, строивший его архитектор стал размышлять, какой именно дворец он собирается возвести, и так ни до чего и не додумался. В результате здесь были белые коринфские колонны, средневековые зубчатые башенки и – на всякий случай – готические

водостоки, изображавшие драконов. После чего создатели наверняка сочли, что для шедевра сделано достаточно.

Клумбы утопали в розах, там и сям виднелись декоративные вазы, амуры, психеи и увитые плющом беседки, а по лужайке бродил, сложив хвост, сердитый маленький павлин, время от времени что-то бормотавший себе под нос на павлиньем языке.

Из дома вышел лакей и, поклонившись, пригласил гостей следовать за собой.

Тут Мэй поймала себя на мысли, что ей очень хочется спрятаться за спину Амалии, а может быть, даже застрять в тархтящем монстре на дороге между горами и морем и побыть там подольше. Но делать было нечего, и она вошла.

Они миновали несколько комнат и наконец оказались в гостиной, где стояла надменная старинная мебель, обитая красным бархатом, а на стене красовался портрет маршала Поммерена. В жизни маленький и тщедушный, маршал на портрете глядел орлом и, казалось, хотел сказать: «Ага! Что, явились за моим миллионом?»

За дверью, ведущей во внутренние покои, слышались шаги и голоса, и в гостиную величаво вплыла дама с осиной талией, в золотисто-зеленом платье, отделанном вышивкой и тюлем. Волосы у дамы были каштановые, с рыжеватым отливом, без единого седого волоска. На вид ей можно было дать лет пятьдесят, а если очень захотеть, то и сорок пять. Она была очень умело и обдуманно покрашена, но все равно становилось ясно, что это уже далеко не молодость, а лишь попытка ее имитировать, хотя и весьма удачная.

Вокруг дамы, как плющ вокруг дерева, увивался любезный седой человечек с огромным изумрудом в галстук, с иголки одетый и благоухающий «Fou-gège Royale»¹³. Он был улыбочив, благодушен и, судя по всему, постоянно находился в том расположении духа, которое обыкновенным людям заменяет нирвану, – то есть имел все, что хотел, и не желал большего.

– В конце концов, – капризно закончила дама фразу, начатую за порогом гостиной, – я купила виллу с павлинами, так куда они все подевались?

Взгляд темных глаз дамы скользнул по лицу Амалии, которая держалась чуть позади Мэй, и перебежал на пунцовую от смущения девушку. «Она красит волосы! – в смутении думала Мэй. – Она красит волосы... боже, что о ней сказали бы наш викарий и соседка миссис Мэннинг! А какое на ней платье, ах, какое платье! Неужели я тоже могла бы носить такие наряды, если бы... если бы у меня было больше денег?»

– Бабушка...

Дама кисло улыбнулась и растворила объятия. Чувствуя неловкость, Мэй подошла обнять ее, но та ловко отстранилась, чтобы не испортить макияж.

– Дорогая! Как я рада видеть тебя в этих скромных стенах! Маргарет, верно?

– Мэй. – Теперь Мэй уже сожалела, что уговорила Амалию войти в дом. Судя по всему, Кларисса не собиралась давать спуску никому из своих возможных наследников.

– Ах, я так и подумала, – кивнула дама. – То ли маргаритка, то ли майская роза¹⁴. Какая прелесть!

Мэй и так не жаловала свое имя – как раз из-за намеков на майскую розу, которую она будто бы напоминала некоторым настойчивым и пустоголовым кавалерам, – а сейчас попросту его возненавидела.

– Я, как ты, наверное, уже догадалась, твоя бабушка Кларисса, – объявила дама. – А это Юбер Бланшар, мой адвокат и давний, давний друг.

Седой человечек галантно поклонился.

– Как я вижу, ты приехала не одна? – спросила Кларисса, испытующе глядя на свою внучку.

---

¹³ «Королевский папоротник» – один из самых известных духов той эпохи. Были любимым ароматом Мопассана.

¹⁴ По-английски *May* – май, майский.

– Да. То есть нет! – вырвалось у Мэй. – Я хочу сказать...

– Ваша внучка пригласила меня прокатиться на автомобиле, – вмешалась Амалия. – Я баронесса Корф, моя вилла в нескольких километрах отсюда. Мы с Мэй ехали на «Золотой стреле» в одном купе и так познакомились. Я тоже подумываю купить автомобиль, «Дион-Бутон», к примеру, но меня отпугивают хлопоты. Придется держать шофера, и потом, эти машины часто ломаются...

– Ах, я ничего не понимаю в автомобилях! – воскликнула Кларисса. – Для этого есть мой друг, граф де Ламбер. Уверена, вам будет о чем с ним поговорить. Лично я купила «Менье», чтобы позлить двух спесивых дураков напротив. Они и сами собирались его приобрести, и надо было видеть их лица... – Кларисса словно сообразила, что сболтнула лишнего, сделала большие глаза и прикрыла ладошкой рот. Вот рука выдавала ее истинный возраст – шестьдесят пять, и никак не меньше.

– Боюсь, мне придется отложить разговор с графом де Ламбером до другого раза, – с легкой улыбкой ответила Амалия. – Думаю, мне пора домой. Не хотелось бы мешать семейному воссоединению.

Но тут растворилась дверь, и легким, стремительным шагом вошел молодой человек, одетый весьма корректно. Его лицо показалось Мэй смутно знакомым.

– А вот и он! – вскричала Кларисса. – Знакомьтесь: граф Кристиан де Ламбер.

«Да это же наш шофер!» – ужаснулась Мэй, взглядевшись в него.

Стоило шоферу Кристиану сменить кепку и рабочую униформу на приличную одежду, сразу же стало ясно, что до истинного пролетария ему так же далеко, как до Эйфелевой башни. Он блеснул голубыми глазами, поцеловал ручку Мэй, которая от смущения не знала, куда деться, и подошел к Амалии, которая с любопытством смотрела на него.

– Поразительно, – сказала она, усмехаясь. – Вы тот самый смельчак, который занял третье место на автомобильных гонках Париж – Руан?

– Именно так, госпожа баронесса, – весело ответил граф на чистейшем русском языке. – Простите, что сразу же не представился, я ведь сразу же вас узнал. Подумать только, я когда-то был на вашей свадьбе!

Амалия помнила, что мать у графа урожденная Толстая и что даже его отец, будучи французом, числится русским подданным и бывает при российском дворе; но она не любила, когда ее пытались застать врасплох, и потому немедленно отомстила графу самым очаровательным образом.

– И сколько вам тогда было лет – шесть или семь? – поинтересовалась она невиннейшим тоном.

И с удовольствием увидела, что молодой человек порозовел, как... ну, допустим, вареная креветка.

– Предлагаю устроить обед для наших гостей, – объявила Кларисса.

– На террасе? – подал голос адвокат.

– Да, на террасе, и заодно отметим приезд моей дорогой внучки. – Говоря, она одной рукой обвила Мэй за талию, словно они уже стали закадычными подружками. – Госпожа баронесса и господин граф, само собой, тоже приглашены.

– Я не могу, – сказала Амалия.

– Ах! – вскричала Кларисса. – Сударыня, вы меня просто убиваете своим отказом! Но, может быть, все-таки передумаете?

– Кроме того, – добавил Бланшар, – вы без помех сможете обсудить с господином графом все существующие на свете автомобили, потому что никто не знает о них больше, чем он. Уверен, вам вряд ли представится другой такой случай.

Амалия поняла, что попала в ловушку. Но Мэй глядела на нее так жалобно, с такой немой мольбой, что сердце баронессы не выдержало.

– Хорошо, – сказала она. – Если вы настаиваете, я останусь, но ненадолго.

– Ну конечно, ненадолго, сударыня! – вскричал Бланшар и, потирая руки, поспешил на кухню – распоряжаться насчет обеда.

Глава 9

Тайна поцарапанного чемодана

– Как это мило, – сказала Кларисса, когда все приглашенные собрались на террасе и Мэй, краснея, поднесла бабушке в подарок флакон духов. – Просто прелестно! Впрочем, я все равно больше люблю «Белую розу», – добавила она, очаровательно улыбаясь, так что Мэй почувствовала себя глупее некуда. – Жером! Унесите это в мою комнату, пожалуйста.

Неугомонная бабушка снова обратилась к Мэй:

– Так как поживает твой отец? Подумать только, я так давно его не видела! Почти что с рождения, – кокетливо уточнила она. – Ох уж эти семейные дела!

Мэй и так была не слишком разговорчивой, а присутствие трех посторонних людей (даже если не включать в их число саму Клариссу) совершенно отбило у нее охоту откровенничать. Она все же выдавила из себя, что отец поживает прекрасно, равно как и мать, и братья Мэй.

– Эдвин и Альберт, – Кларисса задумчиво прищурилась. – Какие, однако, затейливые имена у моих внуков! В мои времена предпочитали простоту.

– Это особенно видно по вашему имени, мадам, – вкрадчиво заметила Амалия.

Что-то такое прозвучало в ее тоне, совершенно спокойном, что Мэй даже чуточку испугалась. Но тут, как никогда кстати, вмешался Бланшар и велел слугам подавать на стол.

То ли благодаря превосходной еде, то ли по какой другой причине, но разговор вскоре вернулся в нормальное русло. Кристиан рассказал о готовящихся гонках, а Бланшар вспомнил некий пикантный случай из времен империи, в котором оказался замешан герцог де Морни, сводный брат императора.

– Вы читали Альфонса Доде¹⁵, сударыня? – обратился он к Амалии. – Это чудовищно неблагодарный человек, просто невероятно! Он был, знаете ли, всего лишь бедным поэтом. И однажды императрица Евгения прочитала его стихи и пожелала узнать об авторе, а когда ей сказали, что он беден, попросила подыскать ему какое-нибудь место. Так он стал секретарем герцога де Морни, то есть одним из секретарей. Впоследствии господин Доде совершенно пасквильным образом вывел герцога, своего благодетеля, в своих романах. Случай, о котором я говорю, тоже описан в одной из книг, но на самом деле все было совершенно иначе. Если хотите знать...

И Бланшар с упоением поведал свою версию одного из увлечений герцога, в котором были замешаны некая м-ль О., а также виконтесса Д.

«Боже мой, – думала Кларисса, – как же он их любит, эти старые времена, которые никогда не вернуться, и всех этих негодяев, которые давно уже стали землей! А ведь я еще помню, как он ругал их, когда они были еще живы, и кричал, что правительство во Франции никуда не годится, и эта империя во много раз хуже той¹⁶. Неужели и я произвожу впечатление старухи, которая только и знает, что болтать о прошлом?»

И она мягко, но решительно прервала Бланшара, который мог вспоминать о делах минувших дней часами.

– У меня такое впечатление, как будто я снова в Англии, – сказала она внучке, поглядывая на ее простое серое платье, отделанное лишь тоненькой полоской безыскусной вышивки. – Английская одежда – это нечто, созданное людьми без фантазии для людей, лишенных чувства стиля. Я уж не говорю о шляпках, их вообще умеют носить только во Франции. А ведь хорошая шляпка в нашем мире куда важнее честной репутации. Репутацию еще могут простить, но

---

¹⁵ Французский писатель, самая знаменитая его книга – роман «Сафо» о любви к куртизанке.

¹⁶ То есть Вторая империя (Наполеона III) хуже империи его дяди, Наполеона Великого.

скверную шляпку – никогда! – Она покосилась на Амалию, но тут уж найти повод для придинок было гораздо труднее. – Ваше платье великолепно, госпожа баронесса. Это Редферн?

– Лаферрьер, – учтиво ответила Амалия. – А ваше, кажется, от Руффа?¹⁷

Кларисса засмеялась.

– Похоже, мы обе с вами равнодушны к моде, – заявила она. – Лично я счастлива, что дожила до этого времени, когда мода стала настолько хороша. Я ведь помню еще кринолины, госпожа баронесса. Эти огромные юбки, неповоротливые, как киты...

– А я грущу по кринолинам, – вздохнул адвокат. – Императрица Евгения...

– Я не спорю, на картинах они смотрелись прекрасно, – перебила его Кларисса. – Но носить их было то еще приключение.

– А после кринолинов были турнюры с валиками сзади, – напомнил Кристиан, улыбаясь. – Они вам тоже не нравились?

– Мещанский стиль, – фыркнула Кларисса. – Что хорошего может быть в силуэте, в котором подчеркнута лишь одна часть тела, не бог весть какая? Я всегда считала, что Ворт¹⁸ не хватало чувства меры. Я и ему самому это говорила, но он не слушал. Впрочем, он прекрасно умел обыгрывать возможности любого материала, в этом ему не откажешь. И все равно я считаю, что современная мода – лучшая, какая вообще может быть. Пакэн, Дусе, Раудниц, Лаферрьер и остальные – просто удовольствие для глаз. Если в былые времена можно было годами ходить к одному кутюрье, то теперь даже не знаешь, с кого начать, настолько все хорошо. – Она перегнулась через стол к Мэй. – Пользуйтесь этим, дорогая! Время идет слишком быстро. Кто знает, что будут носить лет через десять или двадцать? Меньше всего люди ценят хорошее, когда его у них в избытке. Лично я надеюсь, что не доживу до того времени, когда в моду снова войдут какие-нибудь кошмарные кринолины.

Мэй слушала ее, бледно улыбаясь, а сама думала, что у нее денег в кошельке лишь на обратную дорогу да еще немного, что дали ей добрые Беннетты в Париже. Куда с такими финансами мечтать о Пакэне и Лаферрьер?

– Между прочим, почти все дома моды имеют свои отделения в Ницце или Монако, – продолжала Кларисса. – Вам бы стоило как-нибудь туда заглянуть. Думаю, вам бы пошел нежный шелк. И цветочный рисунок, конечно. Еще какие-нибудь бабочки со стразами, правда, они сейчас разжалованы и не в моде. Да, да, дорогая, не спорьте: вы просто рождены для романтического стиля. Так и вижу, как вы в бальном платье и цветами в волосах поражаете на званом вечере в самом сердце какого-нибудь маркиза, и он делает вам предложение после первого же котильона.

Чем дальше, тем больше любезная с виду бабушка становилась похожа на серого волка. Мэй, смутившись, запротестовала. Ее вполне устраивают ее платья, и она совсем не собирается выходить замуж.

– О, – патетически воскликнула Кларисса, – неужели в Литл-Хилле живет кто-то, кто похитил сердце моей внучки? Молю небо, чтобы он только не был похож на моего бывшего мужа. Юбер! Я тебе о нем рассказывала?

– Тысячу раз, дорогая, – благодушно отозвался адвокат, накладывая себе на тарелку вторую порцию мороженого.

– Однажды я заболела воспалением легких, – сказала Кларисса, блестя глазами. – Моя жизнь висела на волоске, но я выжила, и знаете почему? Потому что у меня не было никакого желания оставлять этого мерзавца, моего мужа, вдовцом. Хватит и того, что он объявил меня мертвой везде, где только можно. Да!

---

¹⁷ Знаменитые модельеры той эпохи.

¹⁸ Чарльз Фредерик Ворт, законодатель мод второй половины XIX века, изобретатель турнюра.

Мэй положила вилку. Застенчивая девушка многое могла стерпеть, но были, были вещи, которые она спускать не собиралась.

– Между прочим, дедушка умер, – сказала она звенящим от негодования голосом. – И... и какой бы он ни был, но он был ваш муж. – Она поискала, что бы еще такого добавить, и в порыве вдохновения выпалила: – А если он был такой плохой, может быть, тогда не стоило вообще за него выходить?

На террасе повисла неловкая пауза.

– Но тогда бы вас тоже на свете не было, дорогая Маргарет, – промурлыкала Кларисса.

– Мэй, – упрямо проговорила Мэй. – Меня зовут Мэй, дорогая бабушка... Кэтрин.

Ее щеки пылали, она сама себя не узнавала, но факт оставался фактом: она дала Клариссе первый бой и, похоже, выиграла. Может быть, сказалось присутствие Амалии, которая, как отлично видела Мэй, не собиралась идти на поводу у хозяйки, а может, в робкой девушке проснулся прадедушка-войка по материнской линии, который не боялся никого и ничего, а умер в бедности и забвении. Несколько мгновений бабушка и внучка молча смотрели друг на друга, и Амалия отметила, что Кларисса первая опустила глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.